

АЛИСА КЛЕВЕР

— ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ СВЕТА И ОДНА ЖЕНЩИНА —

18+

«О ЛЮБВИ, СТРАСТНОЙ,
КРАСИВОЙ, ЗАПРЕТНОЙ, — РУССКИЕ

«ПЯТЬДЕСЯТ
ОТТЕНКОВ СЕРОГО»

АНФИСА ЧЕХОВА

Алиса Клевер
Четыре стороны света и одна женщина
Серия «Два месяца и три дня», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10315080
Четыре стороны света и одна женщина : роман / Алиса Клевер. : Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81060-4

Аннотация

В погоне за наслаждением Максим Коршунов чуть не потерял Арину, невинную, милую, влюбленную в него девушку. Она сбежала от него, не желая опускаться в пучину разврата. Теперь Максим изменился, он готов на все, чтобы вернуть любимую, без которой не может жить. Однако страстная любовь Максима и Арины мешает планам его отца. А если жестокий, деспотичный олигарх Коршунов решил разлучить влюбленных, ничто не сможет его остановить.

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	20
5	24
6	29
7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алиса Клевер

Четыре стороны света и одна женщина

© Клевер А., текст, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Все имена, события, чувства, сны и совпадения, а также мысли
и мечты являются случайными и субъективными.*

*But I've had the invitation
that a sinner can't refuse
It's almost like salvation
It's almost like the blues...*

Leonard Cohen¹

*Какое тебе дело до того, что думают другие?
Ричард Фейнман*

---

¹ Но я получил приглашение, Перед которым грешник не сможет устоять, Это почти как спасение, почти как блюз...
Леонард Коэн

1

Она ушла.

Но ведь я ни во что не верю и ни в ком не нуждаюсь.

Я боюсь лишь неизбежной смерти и пустоты, за которой все обрывается.

Я не люблю ничего, кроме самой любви. Только острое наслаждение делает меня бессмертным, и тогда на короткое время я забываю о времени. Это все, что у меня есть. Это все, что есть у любого из нас. Так было и так будет.

А я...

Я хочу, чтобы она вернулась. Это выше меня, но и в этой малости я бессилен.

Вот они – он и Арина – летят в Берлин в первом классе «Боинга», их кресла рядом. На ней легкое шелковое бирюзовое платье. Раздвинув ноги, она подалась вперед, ее поза бесстыдна и прекрасна. Глаза прикрыты, но она не спит. Она совсем близко, ее тело отзывается на каждое движение его пальцев меж ее бедер. Она дрожит и стонет, ресницы вспархивают, как темные бабочки, и синева ее глаз прожигает. Их могут увидеть, но это придает остроты его ощущениям.

Серый туман. Самолет пробивается сквозь тяжелые облака. За тонким стеклом иллюминатора сверкает молния. Максим вздрагивает – ему кажется, что там, среди туч, есть еще что-то. Кто-то. Он всматривается в темнеющую бездну, но там – ничего, кроме наполненного ветром пространства.

Арина удаляется от него по узкому проходу между сиденьями. Когда она встала и как прошла мимо? Откуда взялось на ней вместо бирюзового легкого это вечернее платье с прозрачной тканью, оголяющей ей бедро? В самолете никого больше нет, и ужас сжимает Максиму сердце. Он поднимается с места и идет вслед за нею, пытается ее догнать, но не может – что-то все время мешает ему, хотя Арина идет медленно. Какие-то чемоданы, длинные стойки осветительных приборов, лампы, которые почему-то все включены и светят прямо ему в лицо. Арина оборачивается и смотрит на него. Он видит, что ее ноги изранены и в крови, она босая. Ее глаза горят отчаянной решимостью. Он хочет крикнуть, остановить ее, но слова застревают у него в горле. Она сейчас выпрыгнет из самолета... Максим зажмуривается.

Когда он вновь открывает глаза, он стоит посреди поля колосющейся пшеницы. Ветер силен, тяжелые тучи несутся по небу так быстро, словно земной шар закрутился втрое быстрее. Он смотрит в небо. Из стальных оков бездны вырывается «Боинг». Он падает, безмолвно и страшно, носом в землю, сейчас он рухнет вот здесь. Вниз, вниз. Каким-то неведомым образом он видит сквозь окно иллюминатора себя и Арину, летящих к земле. Арина голова покоится на изголовье сиденья, глаза прикрыты, она ничего не знает. Самолет сейчас разобьется, но она не чувствует ни падения, ни смертельной опасности. Только его пальцы у себя между ног. Самолет несется с огромной скоростью, и Максим сжимается, ожидая чудовищной силы удара.

Вдруг становится тихо-тихо. Ни ветра, ни тяжелых, несущих град туч. Максиму не холодно. Напротив, ему очень жарко. Он лежит на большой кровати – белые простыни, огромное пуховое одеяло, множество подушек. Рядом с ним лежит большой плюшевый медведь с зашитым ртом. Он один в комнате, кажется, он спит. Другая женщина бежит по длинному коридору в одних чулках. Максим видит ее, эту другую женщину, хотя он по-прежнему спит. Он может быть в двух местах сразу, и это совсем не кажется странным. Он видит портрет на стене, отделанный красными обоями с золотым тиснением. На портрете человек без лица, фигура с головой, обмотанной черным шелковым платком. В комнате, где спит

Максим, стены нежно-голубые, с ландышами. Ему кажется, что, когда ландыши покачиваются на ветру, он слышит слабый звон.

Волосы у женщины светлые, ноги длинные. Слишком много косметики на лице, но не это беспокоит Максима. Она совершенно голая, эта женщина. Она бежит по коридору и громко смеется. Ее смех будит его, он смотрит на нее и не может оторвать глаз, и ему очень стыдно смотреть на ее голое тело. Ее лобок полностью выбрит – ни одной волосинки. Она полноватая, ее груди трясутся на бегу. Взгляд Максима прикован к этим округлым грудям, к темным ореолам сосков. Один сосок проколот так, как женщины прокалывают уши. В сосок вставлен маленький колокольчик. Это его звон слышит он. Ему хочется прикоснуться к этой груди, чтобы колокольчик перестал звенеть.

Опасно. Женщина заходит в комнату и подкрадывается к нему. Он зажимает глаза, притворяется спящим. Он не хочет, чтобы эта женщина его видела.

– Так, так, так, – смеется женщина. – Кто это тут подглядывает? Ах, проказник!

Максим смотрит на нее в панике, но женщина только хитро улыбается, перехватив его взгляд, заметив его горящие в огне щеки. Она приподнимает свои груди ладонями и слегка сдавливает их.

– Нравятся? – спрашивает она и смеется, глядя, как Максим краснеет еще больше, как ему стыдно из-за того, что она поймала его. Ее глаза – безумные, черные, огромные, со зрачками, как у змеи. Ее рот открыт, белые волосы прилипли к потному лбу. Она играет с колокольчиком в соске и не сводит дикого взгляда с Максима.

Невозможно! Максим закрывает глаза, ныряет под одеяло, пытается спрятаться в жаркой душной темноте.

Темнота – это хорошо.

Из-под одеяла вылезать нельзя – это он знает точно. Он бывал здесь, видел эту женщину много раз. Она всегда приходит вместе с другим, страшным. Если она пришла к нему в комнату, следом придет и он – дьявол с кровавыми щупальцами и ледяными глазами. Он вползет через окно, если забыть закрыть хотя бы одну щеколду. Он пролезет под дверь. Его нельзя остановить, помешать ему. Он придет за ним.

Он уже здесь. Женщина смеется. Под большим пуховым одеялом становится смертельно холодно.

– Не бойся! Давай поиграем. Вылезай, и я дам тебе их потрогать! – Голос женщины меняется, фраза повторяется на разные лады. – Ах ты разбойник! – ее голос вдруг становится низким, грубым. «Ах ты разбойник!» Почти мужским. Ужас охватывает Максима. Он лежит под одеялом и видит, как рука, длинная, куда длиннее, чем бывают у людей руки, ныряет под одеяло и ищет его. «Ах ты разбойник!»

Длинные щупальца с ледяными когтями. Когти холоднее айсберга и острее бритвы, они режут, оставляя тонкие красные следы, распахивая простыню на тонкие полоски. Если бы только Максим смог отпрянуть, выбраться из-под одеяла, сползти с кровати, спрятаться под нее... Он был бы в безопасности, но теперь поздно.

Дьявол хохочет и вонзает свой зуб прямо Максиму в сердце. Он срывает одеяло и добирается до Максима. У дьявола ледяные глаза, в руке он держит голову своей беловолосой ведьмы, и голова эта мертва, черные глаза пусты. Максим видит, как кровь течет по его телу из пробитого насквозь сердца, он оборачивается и видит разорванного на куски медведя. Рядом с ним лежит обезглавленное женское тело. Белое одеяло залито кровью, в воздухе летают перья и обрывки газет. В правом соске торчит колокольчик.

Боль и крик оглушают его. Мир взрывается и летит во все стороны горящими кусками, красная пелена заливает Максиму глаза.

Его собственный, полный животного ужаса крик оглушает его. Он резко вскакивает и просыпается. Его руки холодны как лед, он дрожит, озираясь в ледяной темноте, его лицо

покрыто испариной. Он судорожно глотает воздух, как безумец, потерявшийся во времени и пространстве. Все еще крича, он отползает к стене, прижимается к ней спиной, делает несколько рваных вдохов, хватается за грудь.

Кошмар.

Ему приснился его кошмар. Он забыл закрыть дверь на террасу, поэтому он так замерз. В конце августа ночи уже холодны, идет дождь. Он в Москве, в Maximus Grand, в своем пентхаусе, лежит напротив открытой двери, сквозняк гуляет по полу. Кровать стоит нетронутая, с идеально уложенными подушками, с тонкой полоской шелка, аккуратно постеленной поперек покрывала. Он не спал на ней, даже не сидел на ней. Как и всегда, он уснул на полу. Может быть, все дело в забытой двери на террасу? Или в наполовину пустой бутылке Remi Martin?

Все это ерунда. Он спал в палатке на леднике, ему доводилось пить неделю подряд с местными жителями в Исландии. Ему никогда не снились кошмары, если он спал на полу. Что-то изменилось. Что-то разрушило привычный образ жизни, хрупкий баланс, дававший ему все, о чем он ни просил.

Арина ушла. Найти ее он не смог. Это было не в его власти.

Максим поднялся, включил светильник. Приглушенный свет озарил роскошный номер, и мерзкие холодные щупальца чудовища, созданного его больным воображением, отступив, спрятались в остатках темноты по углам. Максим поспешил зажечь верхний свет – замысловато изогнутые линии светодиодов, результат изощренной дизайнерской мысли. Зажег и остальные источники света: два торшера в холле, настольную лампу на придиванном столике, даже тусклое спецосвещение – продолговатые лампы, прикрепленные к нижним частям кухонных шкафчиков. Терраса за распахнутой балконной дверью засияла, освещенная четырьмя уличными фонарями.

Только когда все три комнаты номера люкс заискрились от света, Максим немного успокоился и упал в массивное кресло напротив большого плоского телевизора и нажал кнопку пульта. Экран ожил, и два комментатора, бодрые и подтянутые, принялись обсуждать какой-то недавно прошедший матч. Даже здесь, в Москве, Максим предпочитал смотреть кабельные каналы на английском – привычка. Спутниковое телевидение – удобная штука.

Максим не слушал их, но размеренный шум, создаваемый их голосами, благотворно действовал на него. Он сидел опустошенный, усталый, злой и небритый, в измятом и несвежем смокинге, который он так и не додумался сменить за три прошедших дня. Просто забыл обо всем, пил и вспоминал, как шел три дня назад по красной дорожке, взбешенный до чертей и мечтающий отомстить Арине и поставить ее на колени. Подчинить ее, показать ее место. Связать, выпороть и трахать потом, пока она не станет рыдать и просить прощения.

На что он тогда злился?

Смокинг был неприятно грязен, на рубашке пятно от виски. Галстук болтался на шее, развязанный. Максим подобрал с полу наполовину пустую бутылку Remi Martin и приложился к горлышку. На столике перед креслом лежали фотографии – ее фотографии. Все, что у него осталось от нее. Знал бы, фотографировал бы ее безостановочно – каждый вздох, каждый оргазм, каждую искру синих глаз. Но разве могут помочь фотографии там, где нужно горячее податливое тело, сияющие синие глаза, влажная ложбинка между ягодицами.

Белоснежка. Остается только признать факт, что она ушла. Что ее больше нет. Что может быть проще? Просто женщина ушла от него. Встань и иди в другую сторону. Забудь и ищи новых наслаждений.

Что ты тут делаешь?

Максим отпил еще и переключил канал. Новости. Он вздрогнул, услышав, что час назад в океан упал самолет. «Боинг»? Что, если Арина летела на нем? Что, если с ней что-

то случилось? Может быть, поэтому он ее не нашел? Может быть, ее больше нет. Холодно, мир превращается в гигантский айсберг.

Почти пятьдесят часов провел Максим в зоне прилета терминала D аэропорта Шереметьево, всматриваясь в каждую фигуру, выходящую из-за матовых стен зеленого коридора. Он простоял там два дня, питался бутербродами из местных дешевых кафе, отключил телефон и не отвечал на звонки. Она не могла проскочить мимо него. И все же как в воду канула. Самолеты из Франкфурта, Лондона, Берна и Мюнхена, даже из Мадрида – со всей Европы – приземлились и улетели обратно, но ее не было. Она не прилетела ни одним рейсом из всех возможных. Вдруг она решила улететь куда-то еще?

Вдруг погибла?

Нет-нет, только не это! Она просто оставила его одного – здесь, в пустом, залитом электрическим светом номере. Ричард сказал, что Арина любит его, Максима, но Максим не верит в любовь. Зато он верит в смерть, и его сердце сжимается от ужаса.

– Где она, Ричард? – Максим сжимает телефон так, что он вполне может треснуть от давления его пальцев. В Лондоне глубокая ночь. Голос Ричарда холоден и отстранен.

– Что ты хочешь, Максим? – спрашивает он вежливо на английском. Они знакомы почти всю жизнь, и если есть кто-то, кого можно назвать самым близким другом Максима Коршунова, то это будет Ричард. Они всегда говорили на русском. Видимо, они больше не друзья.

– Где она? Ты должен мне сказать!

– Я ничего тебе не должен. К тому же с чего ты взял, что я знаю, где она? – Ричард подчеркнуто спокоен.

– Ты знаешь. Все ты знаешь, мой дорогой виконт, – пробормотал Максим, делая еще один большой глоток. – Может быть, ты даже собираешься к ней, верно, а? Тебе же она понравилась, да, Ричард? Я видел, как ты смотрел на нее в этом чертовом платье.

– Ты пьян, – догадался Ричард. – Тебе нужно проспать.

– Проспать? Интересная идея! – расхохотался Максим, но смех его был невеселым. – Проспать я теперь не могу, разве что попробовать спать на крыше. Да и то, я так подозреваю, что не поможет. Я найду ее все равно, и плевать мне, что ты об этом думаешь.

– Ты ненормальный! Оставь ее в покое! – воскликнул Ричард тревожно. Он никогда не слышал, чтобы Максим так бесновался, так пил. Да он сходит с ума там, в Москве! Кто его знает, на что он способен. Тогда, на приеме в честь кинопоказа, Максим силком выволок Арину из здания, а после ей пришлось сбежать от него через дикий лес.

Он способен на все.

Но никогда прежде он не хотел обладать кем-то с таким звериным упрямством. Если что-то или кто-то, особенно кто-то, не шел ему в руки, Максим всегда отступал с холодной равнодушной ухмылкой. Он никогда не боялся потерять человека, только боялся потратить зря время.

И вот он валяется на полу в своем московском отеле и пьет.

– Ненормальный? Да, я ненормальный. Возможно, и правда опять пора лечиться, только вот не думаю, что для меня есть лекарство. Дьявол! Почему ты не скажешь мне? Может быть, она и не улетала никуда?

– Иди и проспись, Максим, – напряженно пробормотал Ричард.

– А может быть, она прямо сейчас сидит на краешке твоей кровати в твоей спальне. В одной из твоих нелепых пижам. Только я тебя предупреждаю, что в таком случае я тебя просто убью. Слышишь, а? Друг мой на все времена, Ричард Непорочный. Она моя, и никто ее не возьмет у меня. – Максим нес какую-то околесицу и заранее знал, что пожалеет об этом после, но не мог сдержаться. Одна мысль, что Ричард, возможно, куда больше подходит его

Арине, синеглазой его Белоснежке, – эта мысль убивала и одновременно заставляла жаждать крови.

– Сейчас ты говоришь совсем как твой отец, – бросил вдруг Ричард, и Максим оцепенел. Он огляделся – среди огней иллюминации в огромном зеркале холла отражалось его бледное, опухшее, растерянное лицо. Пьяное и злое лицо мужчины, перекошенное от ярости лицо его отца.

Вот он – итог всего. Ричард прав, и глупо сопротивляться. Он – сын своего отца. Всегда будет. Нечего отрицать очевидное.

– Прости, – выдохнул Максим. – Я сам не знаю, что говорю. Прости. Только все же скажи, она не с тобой?

– Ты спятил. Нет, она не со мной, но разве в этом дело? Ты должен оставить ее в покое. Она заслужила это. Она не хочет тебя видеть – и ты должен уважать ее выбор.

– Никогда не собирался уважать ее выбор.

– Даже если ты найдешь ее, чего ты добьешься? Она убежала от тебя один раз, убежит и второй. Чего ты от нее хочешь? Ты знаешь, что она никогда не станет играть в твои игры, Макси.

Максим закрыл глаза и замолчал, пытаясь выкинуть из памяти обрывки последнего кошмара, тяжелые капли дождя, вошедший в пике самолет...

– Скажи мне только, что она уже приземлилась. Ты говорил с ней? Ты дал ей денег? А ты знаешь, что час назад самолет упал в океан? С ней все в порядке?

Не контролируя себя, Максим почти кричал в трубку. Ричард стоял посреди своей лондонской кухни в длинном теплом халате в красную клетку. Что ему делать? Что отвечать? Если бы Максим не был таким... чудовищем, возможно, он и сказал бы ему, где сейчас Арина. Всего несколько часов назад Ричард говорил с ней. Она благополучно добралась до места и заверила Ричарда, что все хорошо, что их план сработал и что теперь все будет в полном порядке.

Но он не верил ни в какой «полный порядок». Достаточно было услышать ее интонации, то, как натянуто она с ним прощалась, как дрожал ее голосок. Что угодно можно было бы сейчас говорить и как угодно объяснять себе то, что произошло. Убеждать себя, что так будет лучше для всех, что Максим неуправляем и непредсказуем, чтобы оставаться с ним дальше, *чтобы любить его*. Что это глупо, безрассудно и к тому же опасно. Что время лечит... Нет, с Ариной не было «все в порядке».

Говорить же об этом Максиму Коршунову Ричард не собирался.

– Она давно приземлилась, и она не хочет тебя видеть. Так что ты можешь улетать из Москвы, – сказал он наконец после длинной паузы. – Оставь ее в покое.

– Я не могу, – глухо прорычал Максим. – Я не могу оставить ее в покое. Прости, Ричи.

И он нажал кнопку отбоя. Подумав, отключил телефон. Зная характер Ричарда, Максим был уверен, что тот примется звонить и отговаривать его. Никто не сможет его отговорить.

2

Мир вокруг казался негативом – пыльной, темно-зеленой с серо-голубым куполом копией другой реальности, параллельного измерения, в котором Арина провела последнюю пару месяцев. Дождь моросил и моросил без остановки, и желание спать побеждало все остальные чувства, но в электричке было слишком людно, чтобы сбросить напряжение по-настоящему. Арина сидела, зажата между грузным мужчиной в серой ветровке и пожилой женщиной – под ногами у той стояли две коробки с дачными помидорами. Видимо, собрала с грядок все, что еще оставалось, и везла к себе домой, во Владимир.

Невозможно поверить, что она сидит тут, между этими вот людьми так, словно ничего и не было.

Сероглазый красавец с зачесанными назад волосами, в черном смокинге, тонком галстуке и белоснежной рубашке. Он умопомрачительно улыбается, протягивая ей руку. Теплые ладони, сильные руки сжимают ее, делая почти больно. Соблазнительная усмешка. «Я знаю, как сильно ты меня хочешь».

«О нет! Ты и понятия не имеешь, как сильно я хочу вернуться...» С упорством истинной мазохистки Арина вспоминала его красивое и такое обычно спокойное лицо и то, каким взбешенным он был в последний их вечер. Может быть, если бы она не надела то платье, все бы сложилось иначе?

А как – иначе? Особенно в случае с Максимом Коршуновым, избалованным принцем, играющим с людьми как кот с мышью. Еще несколько сумасшедших дней в его руках, в его квартире, в умопомрачительном лабиринте его игр и затей? Ничего больше, только это. Сладкий плен и неизбежно разбитое сердце в конце.

Да какая разница, сейчас или после!

Арина жалела, что не осталась, – и жалела, что узнала Максима Коршунова. Мир без него навсегда останется пресной поделкой. Она жалела, что оставила у Ричарда мобильный телефон, и проклинала то, насколько хорошо они продумали весь их план – полететь в Санкт-Петербург вместо Москвы. Добраться до Москвы не на самолете, а на «Сапсане». Сразу уехать домой, не заезжая даже к самой близкой подруге, к Нелли. Никому ни о чем не сказать, чтобы избежать ненужного риска встречи.

Увидеть бы его хотя бы один еще раз.

Перестань, глупая. Он уже забыл тебя.

Арина нервно вздрогнула и отвернулась от залитого дождем окна. Грузный мужчина, сидевший на краю, задремал и уронил тяжелую голову на ее худенькое плечо. Он тяжело дышал во сне, его дыхание было несвежим, и Арина невольно морщилась. Электричка казалась ей уродливой и фальшивой. После спортивной машины, летящей по лондонским дорогам на сумасшедшей скорости, все иное с колесами казалось ей медленным и картонным.

Только люди вокруг были до неправдоподобия нормальными – с их сумками, баулами и рюкзаками, с громким смехом, глухим переругиванием из-за места и неразборчивым бормотанием о курсах доллара и политике. Особенно в сравнении с дикой, беснующейся толпой, разодетой в кожу и металл и совокупающей в полнейшем хаосе друг с другом. Арина вспомнила о воющих мужчинах, распаленных одним видом полуголой Ренгильды – профессиональной «девушки-рабыни», мечтающей о новом хозяине, и щеки ее покраснели.

Вот чего он хотел для тебя, дорогая Белоснежка. Он не задумываясь поставил бы тебя на колени перед другим мужчиной и смотрел бы, как ты ублажаешь его, если бы это доставило ему сиюминутное наслаждение.

Твой первый мужчина. Разве можно любить *такого*?

Арине пришлось ущипнуть себя, чтобы не расплакаться. Как мог он привести ее на эти разнузданные Горианские игры, как мог он только подумать, что она позволит ему утянуть ее за собой на самое дно наслаждения! Действительно ли он верил, что настанет день, когда она встанет обнаженной посреди толпы незнакомых людей, предоставив ему решать, в чьи руки перейдет ее нежное тело после того, как она наскучит ему самому – ее господину.

Как она будет жить без него?

Поезд резко затормозил. Мужчина в серой ветровке, чуть не свалившись в проход, дернулся, обернулся и спросонья качнул головой. Вагон остановился, двери открылись, и люди потянулись из забитого вагона в тамбур. Повеяло холодным сырым воздухом. Мужчина встряхнулся и спросил у Арины:

– Что за станция?

– Костерёво, – вместо нее ответила ему женщина у окна.

– Еще минут сорок, значит, – кивнул мужчина, не обращаясь ни к кому конкретно. Затем встал, достал из внутреннего кармана ветровки пачку сигарет и тоже начал продвигаться к тамбуру, где, собственно, курить было тоже строжайше запрещено. Ну да кто на это смотрит. Арина вздохнула и вернулась к серо-зеленому пейзажу за окном. Стук колес вскоре снова перекрыл шепот дождевых капель по крыше. Домой, Арина, домой.

К местами осыпающимся, высоким песчаным берегам речки Клязьмы, к мокрой траве на полях и дорогам, которые развезло от дождей. К черному от старости дому и сараям с коровой, лошадьми и свиньями. В резиновых сапогах на босу ногу Арина побегит по двору, сгибаясь от тяжести ведер с комбикормом, и ей обязательно станет легче, рано или поздно. Время лечит.

– Значит, решила вернуться? – Мать, отец и Степан, материн брат, сидели за столом и смотрели, как она вяло водит ложкой в тарелке с борщом. В эту деревню, заброшенную за сто двадцать километров от Владимира, родители окончательно перебрались, когда началась перестройка. Мало им стало жизни в пригороде, захотелось корней, покоя. Большую часть детства Арина провела здесь, и всегда это место ей помогало.

Она появилась дома почти к вечеру, когда все текущие дела были переделаны и отец уже прилично выпил. Естественно. Они со Степаном сидели на террасе, «чтобы мать не зудела», и обсуждали последний проигрыш «Спартака», когда она возникла возле калитки, худая, насквозь промокшая. С одним рюкзаком в руках. Явилась!

– Я уеду, – тихо и угрюмо отозвалась Арина. – Я просто... навестить.

– За лето не явилась ни разу, умотала в свои заграницы и теперь вот решила нас навестить? Когда мы уже все собираем? – Претензии отца были понятны. Всех и вся он всегда почитал прежде всего за рабочие руки, а уж после за все остальное – дочь, родную кровь и так далее. Работать надо, а все остальное – пустое. И свиней жалеть, не есть мяса их – тоже.

– Я могу помочь вам с засолкой, – нашлась Арина и глянула на мать умоляюще.

– Да мы справляемся как-то, с тех пор как ты уехала. Дядя Степан вот помогает тоже, – бормотал отец, переглядываясь с родственником. Мать смотрела на Арину в беспокойстве. И у нее в запасе имелись «горящие» вопросы и невысказанные обвинения. Где дочь провела все лето и с кем? Что это была за работа, после которой она прибегает, как побитая кошка? Откуда эти дорогие шмотки, в которых она приехала? Но гораздо больше ее волновало, почему Арина появилась вот так, неожиданно, у них на пороге.

– Но почему ты не позвонила? – решила она задать только этот безопасный, «невозгораемый» вопрос. – Мы бы встретили.

– Я сама не знала, во сколько доберусь. И потом, автобусы же ходят.

– Ты считаешь, это достаточно – ответить, что автобусы ходят? – повысил голос отец.

– Да тихо ты! Иди вон со Степкой обратно, оставь ты ее в покое! – шикнула мать.

За прошедшие месяцы дочь похудела еще больше, большие синие глаза резали как ножом.

Что случилось? Что с тобой сделали? Ты влюбилась, доченька? В кого-то не того, да? Почему он не влюбился в тебя в ответ, ведь ты же чудесная девочка, это видно с первого взгляда.

– Неужели мне не нужно было к вам приезжать? – подавляя отчаяние, спросила Арина, глядя на отца. И тут плотину прорвало, она расплакалась, соревнуясь в силе потока с заливающим двор дождем.

– Ну, ты доволен?! – шипела мать, наливая дочери в стакан компоту.

– А что я? Ты сама говорила – задурила она, – растерянно буркнул отец. – Еще и разговоры эти...

– Да заткнись ты, Петька! Степка, шли бы вы отсюда! – И мать в сердцах хлестанула отца по руке полотенцем.

Чуть позже Арина успокоилась, одновременно с тем, как утих наконец этот нескончаемый дождь. Она все еще всхлипывала, отпивая горячий ромашковый чай из большой керамической кружки. Мать с отцом не покупали черного чая, предпочитая использовать в хозяйстве по возможности то, что можно вырастить, скосить или зарезать, тому, что можно купить в магазине. Ромашки в полях полно, мята разрослась, как сорняк, за сараем со свиньями. Сплошное здоровье. Пей – не хочу.

– Надолго ты, дочка? – аккуратно спросила мать, подкладывая дочери макароны. Пусть хоть поест, холера. Черт бы побрал эту моду на худобу, не дай бог, ведь тоже на диете сидит. Впрочем, Арина уплетала макароны с домашним сыром за обе щеки. И в самолетах, и позже, когда она пробиралась по Москве, ждала электрички на Курском вокзале, она и подумать не могла о том, чтобы что-то съесть. Ком стоял в горле, и все усилия уходили на то, чтобы не думать (или хотя бы делать вид, что не думаешь) о Максиме. А тут вдруг аппетит прорезался. Верно говорят – дома и стены помогают.

– Я не знаю, – честно призналась Арина. – Мне нужно время, чтобы подумать.

– Может быть, баньку тебе затопить? – спросила мама, проведя по ее волосам. – Хочешь?

– Баньку топить ей не буду! – раздался грозный голос из-за двери. – Я спать пойду!

– Спи ты, черт пьяный.

– Не хочу я ничего, – устало вздохнула Арина. – Завтра давай огурцы солить, мам?

– Ты скажи, что с тобой произошло, а, дочь? Тут говорят, ты чуть ли не в каком-то порнофильме снималась? Что в Интернетях твои голые фотографии лежат. Это правда?

– Что? – Арина остолбенела. – С чего вы взяли?

– Нелька приезжала. Говорят. Она показывала со своего этого... планшета, что ли?

– Ничего такого она не могла показать. Ни в чем я не снималась, – вспыхнула Арина. – Только и была, что одна фотосессия.

– Про Белоснежку? – нахмурилась мать. Арина побледнела. Вот он, итог ее неразумной и абсурдной страсти.

Все знают про Белоснежку.

И как теперь жить дальше, если даже в родной деревне ее чуть ли не порнозвездой считают. Причем даже те, кто небось и фотографий не видел. Особенно те, кто ничего не видел. Воображение подскажет куда более интересные варианты, чем высокохудожественная реальность, в какую вляпалась Арина Крылова по глупости да по незнанию.

Фотограф. То, что Максим – фотограф, Арина, конечно, знала. Впервые она узнала о нем на его персональной выставке в Москве, на которой они, собственно, и познакомились. Он принял тогда Арину за одну из своих многочисленных поклонниц, готовых на все. Она не была его поклонницей, ей отнюдь не понравились его жестокие, злые фотографии, объединенные общим названием «Ненависть».

Но он понравился ей так, что дыхание учащалось от одной мысли о его насмешливом красивом лице.

Отлично, просто отлично. Но фотографироваться она не собиралась. Она и не видела этих фотографий. Черт его знает, кто их видел. Может быть, весь мир уже в курсе, какой формы у нее левая грудь – единственная часть ее тела, которую оголили, несмотря на ее отчаянное сопротивление. И когда платье на ней разорвали, она испугалась до обморока.

Максим именно этого и ждал. Он фотографировал ее испуг, ее панику и то, как она дергается от слепящего света осветительных приборов. Ему нужны были и ее смех, и жгучий стыд, и ее обнаженная грудь, которую он запретил ей прикрывать руками.

– Да уж, Белоснежка, – вздохнула Арина. – Но это не фильм. Только несколько кадров, и к тому же я была там одетой. Какая-то глупость.

– И все-таки я не понимаю, как ты могла согласиться на такое! – воскликнула мать. Вскочив из-за стола, она принялась недовольно собирать посуду. Отвела глаза. Арина тоже сидела как каменная. Что тут скажешь? Опозорила себя? Бог с ним. Опозорила семью?

Знала бы ты, мама, что еще я делала для него. На что я еще согласилась, чтобы пробыть рядом с Максимом Коршуновым хотя бы немного. Дура!

– Давай я помою посуду, – подхватила Арина. Она выхватила намыленную губку из рук матери и принялась яростно тереть тарелку за тарелкой. Вот бы так же стереть все воспоминания о Максиме.

– Ох, Аринка. Что же это такое, а? – Мама всплеснула руками и уселась рядом на табурет. Что бы там ни наговорила эта шалава Нелька, Арина у нее всегда была хорошей девочкой. Заботливая, добрая, нежная. Такая, что смотришь на нее – и страшно становится за то, как сложится ее будущее. Хрупкая, как какая-то прямо фарфоровая статуэтка, а синие глазки блестят от невыплаканных слез. Нежная, за каждого пороса переживает как за родного. В кого только уродилась такая?

– Все наладится, – произнесла Арина с неожиданной твердостью, словно пыталась убедить саму себя в этом.

– Ты учиться-то дальше собираешься? Или, может, ну его? Возвращайся, я тебя на ферму устрою.

– Учиться я буду, мам, – покачала головой дочь. Мать вздохнула, ибо все это время она винила во всем сумасшествии большого города, соблазны всякие. Но она понимала: если уж Арина вбила себе в голову что-то, ее не переубедить. Хрупкая, но упрямая.

– Ладно, давай-ка тогда спать, что ли? – растерянно пробормотала она. – А то у меня огурцов-то много, за завтра и не управимся. – Арина замерла с тарелкой в руке, обернулась и посмотрела на мать. Та только покачала головой и еле заметно улыбнулась.

Значит, мир?

Арина дотерла тарелки и расставила их на полке в старом шкафчике. Мать тяжело поднялась с табурета, обхватила дочь красными руками и прижала к себе. Затем неловко чмокнула в щеку. И уж совсем неожиданно...

– Выпить не хочешь?

– Что? – вытаращилась на нее Арина, не веря своим ушам.

– Да чего уж там, а? Все одно ты уж выросла. Теперь-то можно.

– Ну... давай, – махнула рукой Арина, не представляя, как еще реагировать на такое предложение.

– Как Клавка говорит, давай по маленькой, пока эти охламоны все не дососали. У меня клюквенная наливка осталась, кажись. – Мать засуетилась, и пред изумленными Ариниными глазами стол был накрыт заново. Бутылочка с домашней настойкой и пара чистых граненых «стакашек», зеленый лучок, зеленые огурчики. Домашняя ветчинка.

– А как у тети Клавы дела? – спросила Арина, стараясь вести себя естественно. Надо же, они с матерью сидят за столом на равных. Два взрослых человека. Странно.

– А как у Клавки дела, коли Степка никак не закодируется. И сам пьет, и Пашку спаивает! – всплеснула руками мать. Клавка – это жена дяди Степы и по совместительству мамина лучшая подруга с тех самых пор, как ту угораздило выскочить за маминого брата. Вот теперь они и перемывали кости мужьям. Пашка, отец Арины, любил выпить не меньше дяди-Степиного, однако мать придерживалась теории, что именно Степка его спаивает. Надо ли говорить, что тетка Клава придерживалась строго противоположной теории.

– Так что, Аринка, все из-за мужиков, да? Все беды! – спросила мама, разлив «по маленькой».

– Да, мама, – облегченно призналась Арина, залпом опрокидывая пахнущий спиртом шкалик. – Одни беды из-за них, мама.

– Забудешь! – заверила мать.

– Конечно, забуду, – с готовностью согласилась Арина. – Побыстрее бы.

– Как его зовут-то хоть, англичанина твоего?

– Зачем тебе, мам? – заартачилась было Арина, но мать настояла. Первая любовь все-таки.

– Максим. Его зовут Максим Коршунов.

– Максим? Странно. Что это у него имя-то русское?

– Так он русский... – Арина почувствовала, как жгучий хмель поджигает ей кровь. – Только живет в Лондоне.

– Дурак он, твой Максим! – возмутилась мать. – Другой такой, как ты, поди сыщи. Особенно в Англиях этих! Одни рыжие уродины, я в сериале видела, про мисс Марпл. Так что дурак он, что тебя бросил. А у нас все будет хорошо, да, Аринка? Да?

Дурак. Только ведь он ее не бросал.

3

Все было по-честному, никакого обмана. Деньги лежали на журнальном столике, много денег. Намного больше, чем обычно – целых сто тысяч рублей. Сергей ушел за своим другом, который сидел в машине и ждал «зеленого свистка», как заявил Сергей, усмехнувшись. Нелли сидела на диване и смотрела на разбросанные между грязными чашками и тарелками деньги.

Неужели она согласится на это?

А разве она не согласилась уже? Сергей сказал, «эксперимент». Сказал: «Тебе понравится, ты же сексуальная штучка». Вот уж в чем Нелли сомневалась, так это в том, что его чертов эксперимент может ей понравиться. Они встречались около полугода, их отношения были сложными. Сергей был женат, чего, впрочем, и не скрывал. Он водил Нелли в рестораны, не обращал внимания на других ее поклонников, говорил комплименты и всегда – всегда – оставлял деньги на журнальном столике, когда уходил.

– Он просто заботится обо мне, – сказала как-то Нелли Арине, они вместе снимали эту квартиру. – Я же не стою на Ленинградке в чулках сеточкой!

И вот Сергей предлагает ей сто тысяч рублей и эксперимент. Его друга зовут Алексеем – того, что ждет «свистка». Он очень приличный молодой человек, и они будут использовать презервативы. Обязательно. Она может совершенно ни о чем не волноваться. Здоровье – это их первейший приоритет, так что...

Она – проститутка. Самая настоящая.

Групповуха. Эта мысль обожгла Нелли, щеки вспыхнули. Она оторвала взгляд от гипнотизирующих ее купюр и посмотрела в зеркало. В мутном стекле большого трехстворчатого трюмо отражалась высокая, чуть полноватая девушка с длинными темно-красными волосами, с густо покрашенными глазами и с раскованными движениями тела. Белый кружевной бюстгальтер, белоснежные чулки, белые шелковые трусики – все это принес ей Сергей в хрустящем бумажном пакете. На ногах самые неудобные из ее туфель, бежевые, лакированные, на шпильках высотой с Эйфелеву башню.

Мечты и фантазии у Сергея были банальны до горечи во рту. Еще бы притащил костюм медсестры. Но серость и недостаток воображения у ее любовника не были проблемой. Проблемой было то, что Нелли никогда не считала себя проституткой. Да, она встречалась с несколькими парнями сразу, она брала у них деньги. Но ведь все берут деньги у мужчин. Даже Арина, эта святоша с глазами, которыми она способна просверлить человека насквозь, как какой-нибудь лазер, и та взяла деньги. Улетела, стоило этому сыночку олигарха свистнуть. И никакая совесть не остановила, никакие приличия.

Особенно если судить по этим фотографиям, которые Максим Коршунов выставил в какой-то лондонской галерее. Нелли смотрела и смотрела на якобы заплаканное лицо Арины, на ее обнаженную грудь, на тонкие белые пальцы, вцепившиеся в прутья клетки. И на накачанные прессы мужчин, окруживших ее. Мужчины без лиц тянули к Арине руки, рвали на ней платье.

Коршунов – талант, спору нет.

Интересно, на что еще он развел эту целку-невидимку? В каких оргиях заставил поучаствовать? Уж наверняка за свои деньги взял сполна, тут уж не приходится сомневаться. Нелли со злостью посмотрела на первую фотографию «Белоснежки». Смеющаяся Арина, белое платье, красное яблоко.

Дрянь, дрянь!

Если бы Арина была настоящей подругой, она бы не бросила ее тут одну ломать голову над сотней тысяч рублей. Уж Арина бы сумела придумать, как аккуратно пройти за черту,

отделяющую мир занюханых пятиэтажек от великолепия частных джетов. И там и здесь люди-то одинаковы. Все хотят наслаждения, хотят «погулять на славу», овладеть девушкой, да не просто так, а как-нибудь позатейливей. На пару с другом, к примеру. Десятью разными способами. Противоестественно или с использованием розового фаллоимитатора.

Все они одинаковы – мужчины, полные греховных желаний, и женщины, идущие им навстречу ради достойного будущего. Но в мире, отгороженном тонкой красной бархатной лентой, люди в дорогих платьях, обнажающих бедра, шли по красным ковровым дорожкам. Шли и расточали улыбки, попадая в таблоиды и светские хроники, шли под ручку с известными людьми. С высокородным англичанином Ричардом Квинси, если говорить про Арину... И уж точно сто тысяч рублей для них ничего не значат.

– А вот и мы! – Голос Сергея был весел и игрив. Нелли вздрогнула и обхватила себя руками, словно ей стало холодно стоять тут, посреди крохотной однокомнатной квартиры, неубранной и дешевой. Сто тысяч – большие деньги, но недостаточные, чтобы сменить эти унылые декорации на что-то более достойное. Высокие потолки, белые мраморные столешницы – все это недоступно, даже если у тебя есть сто тысяч рублей.

Все дело в сумме. Нужно много раз по сто тысяч. И не рублей.

– Надеюсь, ты нас ждешь? – Сергей заглянул в комнату из прихожей и довольно улыбнулся, увидев Нелли в его белье. – Давай я вас познакомлю.

Сергей распахнул дверь в комнату, и вслед за ним на пороге появился другой мужчина. На вид ему было лет тридцать. Высокий, в хорошей физической форме, он оставался серьезен и осмотрел Нелли с жесткой мужской жадностью, от которой ей стало не по себе.

– Это Алексей, мы с ним вместе работаем. Нель, ты будешь коньяк или ликер? Мы и то принесли, и другое.

– Ликер, – автоматически прошелестела Нелли.

– Красивая у меня девочка, правда? – спросил Сергей и, улыбаясь, хлопнул Нелли по заднице, когда она проходила мимо них на кухню. Она подпрыгнула от неожиданности и проворчала что-то, но мужчины расхохотались и поспешили за ней.

Чая и кофе Нелли даже предлагать не стала. Достала из шкафчика тарелки, стопки и фужеры для газированной воды. Они все вели себя спокойно, словно ничего особенного не происходило. Нормальный вечер, нормальные посиделки. После того как они накатили по «маленькой», Алексей порезал колбасу, рассказывая Сергею, что сегодня на работе он услышал о новом штрафе, который вводят в Москве за неправильную парковку. Сергей повозмутился, мол, доколе. И так уж платим за каждый чих. А еще грозят, что сделают въезд в Москву платным.

– Музыку? – предложил Алексей, и Сергей включил магнитола, стоящую на полке у окна.

Абсурд! Это настоящий абсурд – сидеть почти голяком на табуретке и слушать тупые обыденные разговоры.

– Дай-ка я тебе еще налью, – пробормотал Сергей, словно почувствовав, как нервничает его продажная подруга. – Ну, иди ко мне.

Нелли подошла к Сергею, ощущая себя немного как во сне.

– Так что ты думаешь о нашей девочке? – спросил Сергей Алексея. Тот задумчиво осмотрел Нелли, придержав в руке стопку с коньяком, а затем выпил ее залпом, до дна.

– Хороша девочка. Просто блеск.

– Смотри, какая грудь, – небольшое усилие, и Сергей заставил Нелли повернуться лицом к Алексею, удерживая ее за бедра. Он поворачивал ее, показывал другу и хватал ладонями за бедра так, словно она была какой-то куклой, и чувствовать это было чудовищно и противно, но еще пара стопок сладкого, тягучего, как карамель, ликера притупили омерзение. Совесть легко засыпала в тумане опьянения и сизых клубах дыма от сигарет.

– Хороша, – прошептал Алексей, стягивая белые кружевные чашечки ниже и оголяя тяжелые груди.

– А вот тут татушка, смотри. – Сергей ухватил Нелли за ягодицу и сжал то место, где у нее была выбита маленькая бабочка. Алексей просунул руки и рывком приблизил Нелли к себе. Его жадные ладони накрыли ее ягодицы, раздвинули их прямо там, под кружевом. Она задрожала, понимая, что прелюдия, какова бы она ни была, окончена. Мужчины не для того здесь, чтобы на ее бабочку любоваться.

– Раздень меня! – скомандовал Алексей. Тон его не предполагал возражений, взгляд стал жестким и злым. Он отпустил ее, и Нелли послушно потянула дрожащие руки к пуговицам на его рубашке. Сергей подхватил со стола ее рюмку, долил туда коньяку прямо поверх остатков сладкого ликера и поднес рюмку к ее лицу.

– Пей, пей. Так будет легче, – пробормотал он и почти силой влил коньяк ей в рот. Нелли зажмурилась и проглотила. Пальцы не слушались ее, и Алексей, устав ждать, стащил рубашку через голову. Но он не возражал понаблюдать, как Нелли будет разбираться с его джинсами.

– Ты никогда не делала этого раньше? – спросил он, глядя, как нерешительно она замерла, когда оставалось одно последнее движение. Нелли не ответила. Алексей засмеялся и сбросил с себя все, оставшись перед ней голым. Незнакомый мужчина с тонкой полоской темно-каштановых волос внизу живота, с большим эрегированным членом, готовым к бою.

– Она у меня почти девственница, – рассмеялся Сергей. Нелли обернулась к нему и увидела, что он тоже обнажен.

Было что-то страшное и неправильное, но вместе с тем возбуждающее в том, что она стоит посреди этой маленькой захламленной кухни в объятиях крепких и жадных рук двух распаленных мужчин и их возбужденные, стоящие колом члены упираются в ее тело. Сергей стоял сзади и целовал ее в шею, Алексей прижимал ее тело к своему и без стеснения обследовал ее ложбинку между ног уверенными пальцами. Сергей накрыл обе ее груди большими ладонями и принялся аккуратно тереть ее соски.

– Так хорошо? – спросил он Нелли тихим шепотом. – Тебе нравится так?

– Да, – кивнула она, прикрывая глаза от удовольствия. Может быть, все будет не так уж и плохо? Алексей двумя пальцами стянул белоснежные новенькие трусики ниже, и они остановились на полноватых бедрах.

– Сними это, – попросил Алексей и отошел чуть в сторону. Нелли подчинилась. Она зафиксировала взгляд на жадных, темных глазах Алексея, а сама чуть наклонилась, вдавив сильнее ягодицы в член стоящего сзади Сергея, потом стянула трусики и отбросила их на кухонный диванчик. Алексей глубоко вздохнул.

– Раздвинь ноги, детка, – тихо пробормотал он. Нелли сделала шаг в сторону, к выходу, облокотилась о косяк дверного проема и расставила ноги, чуть изогнувшись в талии. Мужчины замерли, замороженные зрелищем. Перед ними стояла блудница, в приспущенном бюстгальтере, оголившем полные груди, в белоснежных чулках и с вызывающе доступным, обритым лобком, с расставленными ногами, позволяющими видеть ее клитор. И она улыбалась развратно.

– О, детка, ну мы тебя и отделаем! Ходить не сможешь! – выдохнул Сергей. Алексей не сказал ни слова. Он подхватил бутылку коньяку и двинулся прямо на Нелли.

Он легко поднял ее и отнес на руках в комнату, схватил за волосы и заставил склониться перед ним. Сергей развел ее ягодицы и провел пальцами по ее анусу, всунул палец глубоко ей во влагалище. Нелли задышала неровно, нервно. Она глотала воздух, пока было можно, и сдерживала дыхание, когда мужчины вставляли члены ей в рот – по очереди или вместе. Каждый стремился полностью заполнить ее рот, но Алексей – он был просто неудержим. Он держал Нелли за голову и не давал ей увернуться и на миллиметр. Пальцами он проводил

за ее щеками, заставляя открыть рот шире. Он командовал ею, точно зная, чего хочет от нее и как именно хочет, чтобы она это сделала.

Вряд ли для Алексея это был первый раз.

Но и Сергей не отставал. Они оба словно сошли с ума от ее доступности и от вседозволенности, купленной за их деньги. Они пересчитывали позы, в которые уже успели поставить ее и отыметь. Лежа, ногами вверх. Раком, стоя на коленях между ними. Наездница сверху, наездница сразу с ними обоими, в оба хода. На весу – один спереди, другой сзади. Полное проникновение. Да, детка, да! Нелли сполна оценила предусмотрительность Алексея, принесшего с собой большой тубик смазки-любриканта. Что бы она сейчас делала без него. Промежность горела и пульсировала от бессчетных проникновений, резких и медленных, глубоких и поверхностных.

Одновременных. Молочные братья, мать их.

К ночи Нелли перестала вести счет времени и всему, что делали с нею мужчины, расплавленные до предела конечностью этой дорогостоящей ночи, жадность которых никак не могла найти дна. Нелли дошла до предела, но мужчины только выкуривали по сигарете в перерыве, заставляя ее в это же время сидеть или лежать в самых диких позах, с широко раздвинутыми ногами, с поднятыми вверх ягодицами, разведенными в сторону ее же руками. Они не собирались останавливаться, даже когда уже не были в состоянии продолжать. Впрочем, это не значит, что они не собирались кончать.

Не забывая и про нее.

Им нравилось смотреть, как она кончает и как сотрясается ее тело, разогретое похотью и изрядной дозой алкоголя. Природа брала свое, снова пробуждая ее нервные окончания к буйству эмоций и волнам, похожим на цунами, накатывавшим изнутри ее измученного тела.

– Ну что, сучка, устала? – Алексей довольно хохотнул, хлопнул Нелли по голому заду. Она курила, с трудом находя силы, чтобы вдохнуть и выдохнуть дым.

– Не называй меня так! – буркнула она устало.

– Сучкой? – удивился Алексей, ущипнув Нелли за татуированную бабочку. – А кто же ты, честная женщина?

– Оставь ее, она все отработала, – вступился за нее Сергей.

– Думаешь? – усомнился Алексей. Впрочем, коньяк давно закончился, все устали, и какое-то опустошение овладело ими. Нелли хотела, чтобы мужчины ушли, а те уже не так сильно хотели ее. Ночь кончилась, наступал новый день. После бессонной ночи будет трудно работать. Алексей решил было сказать больным и остаться дома, с женой. Сергей вызвал такси, поцеловал Нелли в апатичный ко всему красный рот и пообещал скоро позвонить.

Пусть бы лучше сдох. Никогда еще в своей жизни красотка Нелли не чувствовала себя такой дешевкой. Никакие деньги не окупят этого сосущего чувства пустоты и никчемности. К утру Нелли возненавидела Сергея за то, что он сделал с нею, и за сто тысяч рублей возненавидела его тоже. Но особенно она возненавидела его за то, что ему точно, стопроцентно и без вариантов совершенно на нее наплевать. Никогда он не чувствовал к ней ничего, кроме простого, животного желания трахнуть.

Никто ни к кому ничего другого не чувствует. Все хотят либо трахнуть, либо обобрать. Либо сделать то и другое. И всем на всех наплевать. Даже этой сучке Аринке, которая наверняка сейчас занимается тем же, только за совершенно другие деньги.

Белоснежка чертова.

Одно дело – заляпанный спермой диван в дешевой однушке на пятом этаже хрущевки. Другое – фотопортреты в галереях Лондона и красные ковровые дорожки. За такие перспективы не жаль и кусочка души.

Нелли хотела было пойти в душ, но сил не было. Разгром в квартире лишь дополнял чувство внутреннего опустошения. Она в полном изнеможении валялась на диване и без всякого интереса переключала каналы телевизора – там то Малышева говорила что-то про лечение простатита, то радостная девушка-ведущая бросалась деньгами в какой-то неизвестной стране, покупая полет на вертолете. Еще немного пьяная, вернее, хмельная, Нелли почти уснула, когда раздался звонок в дверь.

Один звонок, второй, третий.

Нелли накрыла голову подушкой и попыталась отключиться, но тот, кто стоял там, с той стороны, не унимался, словно знал, что она тут одна и сходит с ума от громких звуков.

Может, это *они* вернулись? Парни хотят большего? Только не это!

Нелли не на шутку перепугалась. Вскочив, она растерянно огляделась, лихорадочно соображая, куда можно спрятать деньги. Это – первое. Второе – как выпроводить их, чтобы они поняли, что ничего больше им не светит. Никогда.

Во всяком случае, не так и не скоро.

«Господи, о чем я?!» Нелли замотала головой и бессильно чертыхнулась. Нет, конечно, она не станет больше этим заниматься. Но деньги... Береженого бог бережет. Нелли сунула пачку купюр за вытяжку на кухне и огляделась. Одеваться не стала, просто накинула длинный шелковый халат поверх голого тела. Звонки не прекращались, хотя и стали реже. Кто-то по ту сторону двери прислушивался и снова нажимал на кнопку. Нелли уже подготовила отповедь для Сергея, а также на всякий случай баллончик с лаком для волос – для особенно непонятливых. Но, добравшись до входной двери и открыв ее, она не поверила своим глазам.

На пороге стоял Максим Коршунов.

4

Поношенная рубашка из грубой ткани цвета хаки, рукава небрежно закатаны, горловина расстегнута. Он стоит, опершись локтем на светло-зеленую стену, и трезвонит в квартиру. Сумасшествие. Выцветшие за лето каштановые волосы отросли, взлохмаченная челка перекрывает острый взгляд серых глаз. Он устал, он небрит, он бледен.

Он красив. Его глаза излучают тревогу.

– Вы знаете меня, – удивленно замечает он в ответ на взгляд оторопевшей Нелли.

– Конечно.

– Она рассказала вам? – спрашивает он, и глаза его загораются огнем.

– Она? Нет. Да, она говорила о вас. Конечно. Но... вы же Коршун, – лепечет Нелли. –

Кто вас не знает?

Максим отходит от стены, подается чуть назад, трет ладонями виски. О, не надо было пить вчерашней ночью. Голова раскалывается, и он совсем не готов ко всему этому. Эта ужасная девушка в гадком несвежем халате, надетом, кажется, на голое тело.

Арина не может быть здесь. Как бы она смогла все это выносить?

Максим никогда не думал о том, какую жизнь вела Арина до их знакомства. И, уж конечно, он ни разу не задумался, что будет после того, как лето кончится. Просто потому, что никогда раньше для него не наступало подобного «после». В этом была красота его жизни – в том, с какой легкостью он оставлял места, людей и отношения. Как будто вставал с лавочки в парке и уходил дальше своей дорогой. Не его парк и не его лавочка. Только воспоминания принадлежат нам по-настоящему, только тонкие эмоции, ощущение теплых солнечных лучей на лице – все, что было ему нужно.

– Она здесь? – спросил он, заранее зная ответ.

– Она? – Нелли глупо хлопала ресницами. – Арина?

– Арина. – Максим выдохнул ее имя и прикусил губу, словно ему стало больно.

– А разве она в Москве? – изумленно переспросила Нелли, старательно заворачиваясь в халат. Боже мой, да если бы она знала... Если бы каким-то чудом проведала, кто собирается нанести ей визит, разве в таком виде она встретила бы его? Один шанс на миллион, а она не улыбась, и черные следы туши размазаны вокруг ее глаз.

– Я не знаю, я не уверен. – Максим растерянно оглянулся и запустил ладони в свои спутанные волосы. Даже сейчас, когда он устал и расстроен, движения его оставались грациозными и стремительными. Усталый тигр, которого долго гнали охотники. Сильное тело, большой рот. Так несправедливо, как щедро природа одарила этого мужчину. Животный магнетизм плюс деньги. Все это можно было бы разделить на десятерых, и всем бы хватило на долгую счастливую жизнь.

Что он делает здесь, на этом пороге?

Нелли вздрогнула. До нее дошло наконец. Он ищет эту сучку Аринку. ОН... ЕЕ... ИЩЕТ!!!! Разве такое возможно? Может быть, она у него что-то украла? Деньги? Кредитку? Какой-нибудь крупный бриллиант?

Вряд ли в этом случае он пришел бы сюда сам. Скорее всего, тут уже клацали бы зубами волки в погонах, искали бы, перерыли бы все вверх дном, вызывали бы всех повестками на обыски и допросы. Он стоит тут, сам, лично, собственной персоной. Он плохо спал и мало ел.

– А что случилось? – спросила Нелли после долгой паузы. Ее мысли металась, перемещиваясь во что-то неопределенное и ничем не выраженное, кроме разве что расплывчатого понятия *шанс*, словом не обозначенного, однако смутно проступающего в ее взгляде, неотрывно блуждающем по стоящему в проеме двери красавцу мужчине. Если он сейчас уйдет,

все кончится и шанс улетучится. Если он останется... Что будет тогда? Может ли она понравиться ему *вместо* Арины? Если нет, можно ли еще как-то связать себя с ним? Чем угодно. Он выглядит разбитым и обессиленным. Почему?

– Кое-что случилось, – бесцветно ответил Максим, глядя сквозь нее, будто она была бестелесной. – Однако не в этом дело. Просто скажите, она здесь? Если нет – я сразу же уйду.

Как же! Уйдет он! Будто она вот так запросто могла допустить, чтобы он взял и ушел. Нет, нельзя, нельзя. Нужно что-то придумать. И быстро. У его отца капитал, который оценивают в двенадцать миллиардов зеленых, нужно заинтересовать его чем-то. Но проблема заключалась в том, что Арины в квартире не было. Все, что было сейчас там, в квартире, в наличии, так это бардак и пустые бутылки на полу. Пожалуй, на кухне все-таки попримечнее, чем в комнате. Нужно заманить его в кухню, завести разговор. Максим не двигался, погруженный в свои мысли.

– Ее здесь нет, верно? – полуутвердительно уточнил он. И взгляд его потух. Нелли заметалась. Черт, чего он хочет от этой тощей бледной поганки? Знать бы... Эх, да ладно. Нелли приблизилась к гостю и искательно посмотрела ему в глаза.

– Нету, да. Но я знаю, где она может быть.

Она бросила наживку, и он заглохнул ее – поднял глаза и весь собрался, двинулся ей навстречу. Ага. Прекрасно. Нелли развернулась и отступила в прихожую, оставив дверь нараспашку. Максим вошел за ней следом, в два шага нагнал ее и схватил за плечо. Взгляд его стал острее бритвы, он дернул ее к себе. Его рука была крепка, Нелли стало больно.

– Это правда? – спросил он, колко прищурившись.

– Что – правда?

– Что вы знаете, где она.

– Конечно, мы же с ней подруги! – Нелли повела плечом и сбросила его руку. Она прошла дальше по коридору, и он покорно следовал за ней.

– Да, я это знаю, – быстро кивнул Максим.

– Странно, что она мне не позвонила. Вы уверены, что она здесь? Вы поссорились? – Нелли углублялась в квартиру, затягивая за собой Максима. В тесной прихожей взгляд его уперся в сваленные в углу туфли и босоножки – все дешевые, стоптанные. Самые ужасные – бежевые, на огромной шпильке – валялись прямо на проходе, и Максиму пришлось перешагнуть через них. Неужели Арина тут жила? Как можно здесь жить? Какая грязь!

– Мы... да, пожалуй. Мы в ссоре, – кивнул Максим, следуя за Нелли на захлавленную кухню. Она поспешно запикивала что-то в мусорное ведро, швыряла невымытую посуду в раковину, но, конечно, Максим видел все и понимал: в квартире была «вечеринка», возможно, она закончилась пару часов назад.

Ему было плевать на это. Он не смотрел на неубранный стол, на пепельницу с горой окурков. Его не интересовало, на что способна эта легкодоступная девушка в малопривлекательном халате, что она делала в этих стенах и с кем. Что бы она ни делала, сам он был способен на большее, и, какова бы она ни была, он был стократ хуже ее. Любой по сравнению с ним будет самой невинностью. И тут он застыл в проходе на кухню.

Максим увидел платье.

Дешевое джинсовое платье-сарафан повесили на ручку шкафчика, который, видимо, редко открывали. Максим помнил это платье. Именно в нем Арина тогда, впервые, появилась перед ним – тоненькая девочка с заплаканным лицом.

– Где ее комната? Могу я взглянуть на ее вещи? – спросил он и услышал, будто со стороны, что голос его дрожит. Нелли перехватила его взгляд.

– Все ее вещи тут.

– Где тут? – Он обвел глазами кухню. – Прямо тут?

– А? Да, вот это ее платье. А из-за чего вы поссорились? – Нелли включила чайник.

– Когда она его тут повесила? – спросил он, словно не услышал ее вопроса. Глаза его горели, зрачки расширились. Он подошел ближе, прикоснулся к ткани. Перед глазами, как вспышка, появилась она – с батоном в руке, растерянная, посреди залитой солнцем улицы. Как он мог отвести ее на Горианские игры? Как мог быть таким слепым?

– Перед отъездом, – ответила Нелли. Максим открыл шкафчик и увидел учебники и тетрадки. Он провел пальцами по обложке «Анатомии домашних животных», попытался прочитать что-то в ее записях.

– А где она спала? – спросил он, обернувшись. Нелли вздохнула. Максим с непониманием посмотрел на нее, а затем опустил взгляд на кушетку.

– Прямо тут? На чем?

– Она экономила. Ей же нужно было оплачивать учебу, – пожала плечами Нелли. – Я почти не бываю дома. Она работает ночами. Мы, знаете ли, выживаем, как можем.

Максим замер, впервые за долгое время не зная, что же сказать. За все эти недели, что они провели вместе, он никогда не задумывался над тем, что за человек лежит в его объятиях. Он знал ее тело, помнил каждый ее стон, но что он знал о ней. Она хочет стать ветеринаром. Она рыдала из-за убитого жирафа. Она несколько раз пыталась убежать от него, Максима. Куда? Сюда? Обратно, на эту кухню с видом на гаражи и пожухлые деревья?

Он закрыл глаза и живо представил себе, как она приходит сюда, разбирает хлам, перемывает посуду – о, никаких сомнений, что она так и поступала. Тихо наводила порядок, забиралась на диван с ногами, брала учебники и тетрадки. Пропускала ужин.

Ей всегда было чихать на деньги.

Черт его знает, почему тогда она решилась поехать с ним. Арина. Он был слишком занят тем, чтобы наиграться всласть со своей Белоснежкой, чтобы заметить ее, девочку в джинсовом платье. Максим отложил тетрадку и обернулся к Нелли. В свете ярких солнечных лучей она казалась куда старше Арины. Черные круги несмытой косметики только еще больше старили ее. Максиму захотелось как можно быстрее уйти отсюда, покончить с этим. Ему было неприятно думать о том, что Арина убежала от него к этой жизни.

– Где она? – спросил он почти зло.

– А откуда вы узнали этот адрес? – Нелли ответила вопросом на вопрос, она тянула время, судорожно решая, что же ей следует сделать, как поступить с этим призрачным шансом. Максим Коршунов выглядел так, словно он искал Арину – девушку, которую он потерял.

Которая его бросила.

Нелли стояла с пустой банкой из-под кофе в руках. Как такое возможно? Таких не бросают, что бы ни случилось. Может, набивает себе цену? А что, все возможно. В тихом омуте черти водятся, это всем известно. Кто знает, вдруг Аринка оказалась куда «сообразительнее», чем Нелли когда-либо. Кофе кончился, но можно подать чай. Не стоит заострять его внимание на мелочах.

– Значит, она прячется от вас? – усмехнулась Нелли, раскрывая холодильник. – Из-за тех фотографий?

– Фотографий? – нахмурился Максим. – Вы-то откуда о них знаете?

– А я слежу за вашей работой, – усмехнулась Нелли, доставая из холодильника колбасу. – Нужно же поддерживать культурный уровень. Вам бутерброд сделать?

– Никаких бутербродов. – Голос Максима затвердел, как остывшая сталь. – Вы сказали, что знаете, где она. Так где?

– Я знаю это, а вы хотели бы это знать. Интересная ситуация, да? – Нелли улыбнулась одними губами. – Я вообще знаю много о ней. Больше, чем вы...

– Где она? – повторил Максим жестче. Девушка начинала его раздражать.

– Зачем она вам? – Нелли скопировала его интонацию и даже наклон его головы.

– Это не ваше дело, – отрезал Максим.

– Верно. Это все – не мое дело, – согласилась Нелли. Она обхватила ладонями чашку с горячим чаем, уселась на стул. Она никуда не спешила и явно демонстрировала это.

– Думаете, это сойдет вам с рук – играть со мной в игры? – усмехнулся Максим и присел рядом. Очень спокойно, преувеличенно медленно он вынул чашку из рук Нелли и с силой швырнул ее в раковину. Раздался звон разбитой посуды, и Нелли невольно вздрогнула и поежилась.

– Я хочу только добра моей хорошей подруге, – прошептала она, сжав зубы. Она вспомнила, как всего несколько часов назад на этом самом диванчике двое мужчин брали ее сразу вдвоем, одновременно, подогревая себя грязными словами. Нелли прикусила губу и очень твердо продолжила: – Я всегда забочусь о своих друзьях.

– Думаете, из этого выйдет что-то хорошее?

– Кто знает? Хуже, чем я живу, кажется, уже и невозможно представить, – пожалала плечами Нелли.

– Вы хотите денег? Почему не сказать об этом просто?

– Все хотят денег, – возразила на это Нелли. – Я же хочу стать вам другом.

– Что? – рассмеялся Максим.

– Ведь если мы станем друзьями, все, что я знаю об Арине, или то, что я узнаю о ней в будущем, немедленно станет известно и вам, Максим Константинович. Думаю, это будет достаточно привлекательно для нас обоих.

Максиму почудилось, будто красное пылевое облако оседает ему на глаза. Он чувствовал себя пленником в узкой камере – так он устал от всего этого. Он не спал три дня, а когда его веки смыкались, мир превращался для него в ледяной кошмар, залитый холодной липкой кровью. И во сне ему не было покоя. Дождь шел уже третий день, может быть, дело в этом?

– И сколько вы хотите за вашу дружбу? – ровным голосом спросил он, вцепившись изо всей силы в дверной косяк. – Сколько вам нужно, чтобы вы стали шпионить для меня за вашей подругой, которую вы определили жить на вашей кухне? Говорите сейчас, или я найду себе других друзей.

– Десять тысяч долларов. Ежемесячно. Первый платеж – прямо сейчас, – прошептала Нелли, и лицо ее стало очень серьезным. Если она разыграет свою карту правильно, ей никогда больше не придется стоять на коленях, отдавая за деньги кому бы то ни было.

– Ого, – присвистнул Максим. – За такие деньги я могу захотеть от вас чего-то большего, не только информации.

– Все, чего пожелаете! – выразительно кивнула Нелли, и пола ее халата «случайно» приоткрыла ее обнаженную ногу с совсем еще свежим синяком на бедре. Насчет «кому бы то ни было» – это она погорячилась. Но если уж и стоять на коленях, то только на мягком персидском ковре, перед человеком, чье состояние оценивают в двенадцать миллиардов.

5

Дома, как известно, и земля помогает, но Максим был не дома и не в гостях. Он ехал за девушкой, которая не хотела его больше видеть, и, казалось, все вокруг воспротивилось тому, чтобы он ее нашел. Но он хотел найти ее во что бы то ни стало, хотя, зачем ему это нужно, он объяснить не мог. Было ясно, что того, прошлого, мимолетного, наполненного стонами и криками, уже не вернуть. Незачем и пытаться.

Четыре часа и пятьдесят восемь минут.

Навигатор был категоричен, дорога пульсировала красным и желтым, и только где-то после Владимира она становилась зеленой. Четыре часа. Нет, пять часов! За такое время, да на такой машине дома Максим смог бы проехать половину Англии, но тут все было совсем иначе, и он почти сразу пожалел, что взял красный «Порше Турбо».

Как только покинул Москву.

Пожалел, стоя между фурами на эстакаде, ведущей на Горьковскую трассу, но разворачиваться не стал – не хотел возвращаться. Плохая примета.

Ха-ха, он не верит в приметы. Он ни во что не верит, ему никто не нужен. Только Арина.

Нужно было брать внедорожник. Дурак, хотел быстрее доехать до места. Наивный! Разве скорость решает тут хоть что-нибудь. Да у него было бы больше шансов проехать по этим дорогам, если бы он был на велосипеде. Хотя и дождь к обеду кончился. Хороший знак? Голубое небо, конечно, красиво, но солнце слепило прямо в глаза, пробиваясь и сквозь припущенный козырек, и через солнцезащитные очки.

Сговорились. Как в сказке. Забрала Баба-яга его Арину и утащила к себе в избу, за тридевять земель, в самую чащу Муромских болот. Или Владимирских? Максим любил быстрые машины, скорость и напор. Банальная и такая традиционная слабость богатых мужчин, что просто впору покраснеть, но краснеть Максим тоже не умел. Только от возбуждения.

Второй раз он пожалел о том, что взял «Порше Турбо», когда сполз с эстакады и докатился до самой до Балашихи. Русский по крови, иностранец по инородной своей сути, он не знал, что у России есть только две беды. Они же – и ее вечная страховка «от дурного глаза», верный, непобедимый «авось». Вторая беда России заставила его клясть свой выбор транспортного средства последними словами.

По таким дорогам на спортивных тачках не ездят!

Люди смотрели на него и его красного ретивого «коня» со смесью удивления, зависти и лютой насмешки. «Да-да, красавчик, посмотрим, что станет с тобой километров так через двести». Уж они-то знали. А Максим нет! Ну не был он никогда раньше в Балашихе, и ничто не могло подготовить его к тому, что ждет его дальше.

Несчастный «Порше» подбрасывало на кочках так, словно он был тяжело-тяжело болен и бился в лихорадке. Так продолжалось вплоть до странного места под названием Псарьки, после которого плотный поток автомобилей встал так, словно все они уже подъезжали к Кремлю, а дорогу перекрыл правительственный кортеж.

Словно в этих Псарьках и был центр Москвы, самое скопление всего, что только может скопиться.

«Порше» задыхался, зажатый между длинным, по-московски грязным «Ниссаном» и «Шеви Спарком» – кто в Москве моет машины, когда кругом дожди, слякоть и грязь 300 дней в году. В своем «Турбо» Максим сидел так низко, словно его размазали по асфальту, – ниже «Спарка». А между тем кое-кто все же ехал. Внедорожники и паркетники, а также, что особенно заворожило Максима, малюсенькие «жигулята», эти объезжали пробку по обочине, выстраиваясь там в два, а то и в три ряда. Только чудом они не заваливались в кювет, проходя порой мимо Максима под углом к дороге градусов в тридцать.

Сказочные чудеса, самоходные печи – да и только! И почему он не взял кроссовер? Может, поменяться с кем-то? И речи не шло о том, чтобы вывернуть на обочину на несчастном спорткаре. Он бы там и кончился, умер бы, упав в кювет, или переломал бы колеса в этой перерытой, в глубоких ямах и выбоинах, обочине.

Пришлось стоять. Трогаться с места, а затем вставать снова. Четыре часа пятьдесят восемь минут? Три «ха-ха». Где-то через полтора часа навигатор подумал, да и накинул еще часок – на всякий пожарный.

И все же Максим продвигался вперед – неизвестно куда и неизвестно зачем. Он ждал, когда кончится эта безумная область и начнется то, что на навигаторе было отмечено зеленым.

Дорога. Где-то в районе города с милым пасторальным названием Петушки Максим вдруг понял, что дороги дальше просто не будет. А будет узкая, разбитая, как после бомбежки, одноколейка, по которой – только джипом. А еще лучше – вездеходом, БТР. Определенно, он видел слишком мало России.

И ничего о ней не знал.

Он прожил здесь с двенадцати до восемнадцати лет, но прожил он эти годы под дулом отцовского взгляда, сопровождаемый в частную гимназию и обратно двумя охранниками. Все, что он видел в России, – это злые, неулыбчивые лица прислуги и безумные вещи, которые отец неумело скрывал от него и которые Максим предпочитал не вспоминать. Женщины, кричавшие от боли. Громкие звуки музыки, совпадающие по ритму со звуком летящего вверх и вниз хлыста.

Он не хотел вспоминать этого, но все равно помнил. Со временем он перестал бороться с тем, что ему нравилась часть того, что он видел в доме отца, и он был не прочь это повторить. Беспомощность так возбуждает.

Но какое отношение это имеет к России? Никакого. Люди вокруг Максима продирались сквозь пробки и ужасные колдобины, чтобы жадно допить последний глоток теплого августовского покоя, попариться в баньке, накопать картошки. Кому нужны наручники в спальне, когда тебя и так круглосуточно трахают все, кому не лень.

Позже Максим улетел учиться в Лондон, где старательно делал вид, что не имеет ничего общего с Константином Коршуновым, но прилетал в Москву по первому требованию. Тиски отцовской любви, странной, властной и требовательной, сжимали его крепче любых бандажей Шибари.

Отец прекрасно знал об этом, и это только доставляло ему большее наслаждение – удерживать блудного сына, окуная его в родовое гнездо, как старого должника головой в унитаз.

«Деньги всем нужны, без денег плохо. Ты мой единственный сын, мальчик мой. Ты должен стать таким, каким я вижу тебя – высоким, красивым и безжалостным, как Удин, бог безжалостных воинов. Я вижу женщин, сломленных тобой, и мужчин, преклоняющих перед тобой колена. Все мое станет твоим, но до тех пор – ты мой, и свобода твоя эфемерна и лжива».

Мальчик мой.

Голос отца звучал в голове Максима тихим, вкрадчивым шепотом, вызывая мурашки, хотя в машине было тепло. Интересно, ему уже доложили, что его сын свихнулся и гоняется по лесам неизвестно за каким чертом? Или известно? Дядюшка его Аркадий видел Арину, значит, наверняка уже сложил два плюс два. С другой стороны, он не знал, что она уехала, и ничего не знал о ее письме. Для него она была очередной игрушкой их избалованного принца, Белоснежка.

Наплевать.

Пять часов прошло, когда Максим сверился с навигатором и свернул с главной дороги, от Владимира на Ковров. Ферма родителей Арины, предположительно, находилась в ста с лишним километрах от Владимира, на самом краю области. Хорошо припрятана, захочешь – не доберешься. Велика Россия. Интересно, а там, в этой первозданной красоте лиственных лесов и ясного неба, – там есть дорога? Вообще, хоть какая-то? Машины спокойно и привычно объезжали дыры под колесами, но каждая из них могла стоять Максиму подвески. Он переехал речку Клязьму по шаткому мостику, вызывающему самые серьезные сомнения в безопасности.

«Речка, реченька, спрячь меня». Забавно! Он словно попал в детскую сказку, которую ему никто никогда не читал, но которую он откуда-то все же помнил.

Солнце начинало катиться вниз по небосклону, Максим невероятно устал – сказывалась бессонная ночь. В машине было невыразимо тихо, он выключил радио и слушал, как ветер шумит, перебирая густую, мясистую, зрелую листву на деревьях. Он погрузился глубоко в себя и не то чтобы задумался о чем-то – нет, мыслей почти не осталось, он просто проживал этот момент, ехал вперед, фиксируя меняющийся пейзаж краешком глаза. Вспоминал Аринин смех, ее приоткрытые губы, испуг в глазах и протянутые к нему руки.

Скажите мне «да»...

Он – ее первый мужчина, но это не значит, что у нее нет и не будет второго. Эта мысль заставила его плотно сжать губы и выпрямиться. А что, если этот кто-то обнимает ее прямо сейчас! Какой-нибудь деревенский парень, гармонист?! Максим так разозлился, что не сразу заметил, что на панели приборов загорелся маленький желтый квадратик. Его многострадальный «Порше» вот-вот встанет, у него почти кончился бензин.

«Печка-матушка, сохрани меня».

Может быть, действительно, ему не стоило приезжать? Уехала – и уехала. Не судьба. Но он не верит в судьбу, он верит в то, что был достаточно глуп, чтобы забыть заправиться там, на большой трассе. А теперь навигатор угрюмо молчит, словно говоря обиженно: ну откуда тут заправки?

Одна нашлась, неподалеку от Коврова, заправка с весьма озадачивающим названием «Огонек». Возможно, были и другие, но Максим так обрадовался этой, что уже не хотел рисковать. Однако выяснилось, что тут, в Коврове, никто слыхом не слыхивал о такой диковине, как девяносто восьмой бензин. Оба они, и Максим, и чуть подвыпивший парень, стоявший на кассе, задумчиво смотрели на «чуду-юду» заморскую, прикидывая, сожрет она наш родной девяносто пятый или подавится. Учитывая везение, сопровождавшее его весь день, Максим склонялся к тому, что «юда» подавится. Парень же меланхолично пожимал плечами и предполагал, что «проканает не хуже». И добавлял – «наверное».

Ближайшая заправка, на которой нужен бензин, *возможно*, был, находилась в тридцати километрах назад. Не вариант. Впереди лежала полная неизвестность. Помолясь, Максим залил в бак под завязку девяносто пятого и с содроганием сердца вставил ключ в зажигание. Вряд ли ему было жаль машину. На самом деле ему было плевать на машину, но не очень-то хотелось взлететь на воздух. Или, что было куда более вероятной перспективой, просто застрять тут, посреди не пойми чего и неизвестно где. Но машина завелась. «Проканало». Дальше пошли чистые поля да рощи.

«Яблонька, милая, защити меня».

Самым последним откровением для Максима стала та удивительная приблизительность, с которой навигатор стал указывать ему дорогу к нужной деревне. Он то предлагал ему свернуть в поля, то и вовсе принимался пересчитывать что-то, а затем призывал развернуться и поехать назад. В его картах дорога, по которой двигался Максим (если это можно назвать дорогой), иногда исчезала, что приводило электронное устройство в исступление. Оно кричало и звенело, так что пришлось отключить звук.

Чингадера!

Так звал все навигаторы вежливый и воспитанный Ричард Квинси. Красиво звучащее слово означало не что иное, как «проститутка» по-испански. Мексиканский сленг. Очень подошло к случаю, когда посреди двух полей, неподалеку от березовой рощи и парочки неказистых домишек с расслабленными дачниками в растянутых тренировочных костюмах, дорога взяла и закончилась не только на карте, но и на земле. Кончилась, когда до точки назначения оставалось еще километра три. Пришлось Максиму оставлять машину на обочине (читай, в чистом поле) и идти спрашивать дорогу у местных.

– Дорохино? Может, Дорихино?

– Может быть, – пожимал плечами уже ни в чем не уверенный Максим.

– Э... какая разница, – «обрадовал» его местный житель, краснощекий мужчина в грязной, цвета хаки, панамке. – Тут только к реке есть деревня. Но вы все равно не туда повернули! У нас тут тупик.

– А по навигатору тут дорога.

– Тут ее никогда и не было. Это военные, – заверил его другой житель Владимирской области, облаченный в то, что Максим мог бы назвать только кальсонами. Впрочем, житель держался так, будто это были полноценные брюки.

Откуда бы Максиму Коршунову, выпускнику Лондонского университета, скандальному фотографу, властному любовнику и сыну чокнутого миллиардера, знать, что летом на дачах русские могут носить все, что им взбредет в голову, и все это будет прилично. Даже трусы на голове – если они защищают от солнечного удара.

– Что – военные? – растерялся Максим.

– Путают эти навигаторы. У нас тут ведь военные части есть. Вот они карты и переписывают. А вам надо на прошлой развилке на грунтовку было съехать! – Местный смотрел на Максима и на его машину, как на инопланетянина и странный космический корабль, переставший вдруг летать. Потому что такая штукавина уж точно не предназначена для езды по поверхности планеты.

– Но там не было поворота, – возмущенно прикрикнул Максим непонятно на кого. – Там грязь одна.

– Вот-вот, вам туда, где грязь, – обрадованно кивнул местный в кальсонах. – Там нормальная колея, только маленько от трактора подразвезло. Дожди!

– И там есть деревня? – нахмурился Максим, но оба местных радостно закивали. Есть деревня, конечно, есть. Прямо на реке, и все туда ездят купаться. Там один воздух чего стоит. А огурцы какие! А подберезовики уже пошли – размером с поварешку, и ни одного червя. Благодарить!

Конечно, не надо было туда ехать. Стоя перед не обозначенным на карте поворотом, Максим задумчиво грыз травинку. Но именно там, за этой грязью, после колеи трактора (опять же, если верить словам местных), могла прятаться от него Арина.

Это было на нее похоже.

Это место ей подходило. Здесь было тихо и спокойно и горизонт простирался от одной бесконечности до другой. Высокое место, где много воздуха и тишины. Здесь Арина бы могла почувствовать себя в полной безопасности. Может быть, прямо в эту минуту она сидит на берегу извилистой речки в какой-нибудь дурацкой панамке и забывает его. Стирает из памяти его лицо, голос, его глаза, которые, он знал, так нравились ей. Они всегда притягивали женщин – его глаза, они летели на его взгляд, как мотыльки на огонь, и даже мечтали быть опаленными или дотла сожженными. Арина – совсем другая. Она не хочет быть сожженной, она хочет любви. Другие женщины запоминали его на всю жизнь, и стоило Максиму набрать их телефонный номер, как они радостно приветствовали предстоящие безумства.

Но не она. Не Арина. Дай ей чуть больше времени, и она действительно забудет его и все, что он сделал с нею и что еще хотел бы сделать.

Ни за что!

Максим решительно повернул и вдавил педаль в пол – только так и можно было пролететь через комья тяжелой грязи, моментально налипшей на колеса. Три дня дождей не прошли для дороги даром, и ехать было трудно. Максим вцепился в руль, машину трясло, но поле подавалось, он ехал, то выводя машину на все еще мокрую траву, то возвращался на дорогу, стараясь выбрать более-менее пригодный для движения кусок колеи. Подвеске «кранты», это точно. Днище то и дело билось о мягкую землю, но Максиму было уже все равно. Он проехал почти все поле до конца, он был почти на месте. Ничто не могло остановить его, он вот-вот достигнет Дорохова или как там это чертово название деревни. Логово Бабы-яги.

Но матушка земля русская не пропустила.

Посреди поля оказался разлив, где «Порше» намертво сел на брюхо. Дно грязевой каши-убийцы на этот раз оказалось куда ниже уровня возможностей его прекрасной машины. Колеса визжали и прокручивались, отплевываясь жидкими струями грязи. Максим то садился и газовал что есть мочи, то выскакивал, проваливаясь в жижу по колено, и принимался толкать машину вперед руками. То просто начинал кричать в голос, на обоих языках – русском и английском.

Да уж! Если уж ты застрял посреди русского бездорожья, то просто так, без мата, не обойдешься.

6

Терпкий запах перепрелого сена, опилки под ногами и живой жар лошадиного тела действовали на Арину успокаивающе. С тех самых пор как родители перебрались сюда, на берег Клязьмы, у них всегда были лошади, хотя большого толку от этих животных и не было. Впрочем, пахать на них можно было, и жеребята пользовались спросом. С некоторых пор им стали сдавать и чужих жеребцов на передержку. Лошадей любили многие, в том числе и городские. Приятно жить, зная, что в любой момент ты можешь оседлать коня и понестись по лесам-полям, как в старые добрые времена.

В детстве Арина часами торчала в конюшне. Большой дощатый сарай держал тепло, даже зимой здесь не нужно было дополнительно топить. Разве что в уж очень жестокие морозы, но с каждым годом такие случались все реже и реже. Потепление. Арина сидела на переносном стульчике рядом с рыжей Дездемоной, пятилетней кобылой, и озабоченно осматривала ее потяжелевший круп. Жеребенок мог появиться со дня на день, и в какой-то степени это большая удача, что Аринка сейчас тут и может позаботиться о лошадке. Так говорила мать и добавляла, что в этом-то и заключается прелесть иметь в доме собственного ветеринара.

– Я не ветеринар, я студентка, – напоминала Арина. – Ты должна позвонить в Ковров.

– Брось, Аришка. Ты в клинике работала весь год. Чего ты кобенишься? – возражал отец.

– Я в клинике с котами и попугаями дело имела, да еще с собаками. У нас, знаешь, на Красносельской лошадей не часто приводят рожать, – фыркала Арина. Чего греха таить, она боялась ответственности. В принципе, как принять у Дездемоны роды, она хорошо представляла. Все детство, проведенное тут, подготовило ее к этому. И, положив руку на сердце, чем смотреть, как папа режет свинью или сворачивает голову курице, уж лучше принимать роды у Дездемоны.

Но не сегодня, не сейчас. Дездемона тяжело переступила с ноги на ногу в своем загончике и посмотрела на Арину большими темными глазами. Арина погладила ее по гриве.

– Ничего, прорвемся. Жеребеночек будет, да? Рыженький, маленький. Или черненький? – спросила Арина, задумчиво глядя на лошадку. Дездемона, понятное дело, молчала и хитро косила глазом. Достоверно узнать, с кем именно из двух имеющихся жеребцов она согрешила, было невозможно. Варианта было два. Первый – хороший, это если Дездемона полюбилась со своим, родным жеребцом по кличке Капрал, тем самым, на котором отец пашет. В этом случае проблем не будет, а жеребенок родится рыженьким и останется тут, у Крыловых. А вот если Дездемону прельстил дорогой, вороной масти, статный и норовистый конь Багет, которого Крыловы держали в конюшне за деньги, приглядывали за ним, выпасали и выезжали, но которым не владели, то могли возникнуть споры и разночтения. В общем, все зависело от масти новорожденного.

– Ага, ты здесь! – Арина обернулась и с недовольством увидела, как ветер заносит в сарай дядьку Степана. Видимо, даже слабый вечерний ветерок был для него ураган. Он ухватился за дверной косяк, но не устоял, не смог. Его занесло и ударило об стену. Падая, дядька опрокинул ведро с овсом, стоявшее возле стены.

– Ты чего ж творишь, черт! – всплеснула руками Арина. – Давай собирай теперь.

– Иди ты сюда, слышь, – пробормотал дядька и скорчил рожу, предположительно призванную выказать его недовольство. На поверку это была просто пьяная гримаса, странная судорога, которая постепенно сползла и исчезла в вечерних сумерках.

– Сам иди отсюда, слышь, – повторила его интонацию Арина, продолжая начесывать Дездемону, которая не слишком любила Степку по многим разным причинам, только одна из которых – попытка напоить ее самогоном.

– У меня, это... сюрпрайз!

– Вот только без сюрпрайзов, пожалуйста, – строго посмотрела на него Арина. – Сколько ж ты выпил? И кто тебе наливал?

Степан от вопроса решил уклониться. Он проигнорировал суровый и полный подозрений взгляд племянницы, подошел к дверце, приоткрыл ее и, подобравшись и вытянувшись, продекламировал со всей торжественностью, на которую был способен в таком состоянии:

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона? – и прыснул в кулак. Дездемона дернулась и ступила назад. Эта фраза у нее в ушах навязла. А имечко ей, конечно, дал папашка. Решил пошутить, понимаешь.

– О господи. – Арина схватила с полу щетку и швырнула ее в дядьку. – Иди отсюда, не нервируй мне кобылу.

– Говорю тебе, это у нее от Багета. Шалава, а!

– Да хоть от тебя! Только отвали, а? Дядя Степа?

– Чё?

– Ну, подобру-поздорову, давай! Тебя Клава уж ищет, поди! – взмолилась Арина. Степан постоял в задумчивости, но затем замотал головой.

– Не-е, – протянул он. – Поехали, Аринка. Там этот... сюрпрайз.

– Что еще за сюрпрайз? Допился уже до шпионов?

– До ипланетян. – Степан икнул, и слово «инопланетяне» сократилось, но смысла не утеряло.

– Опять тарелочки?

– Ни! – замотал головой Степан и с видимым усилием сообщил, что он «вот прямо щас» едет на поле вытаскивать ипланетян из говнища, в котором они, ипланетяне, застряли, и она, Арина, непременно должна поехать с ним.

– Я? – задохнулась Арина. – С какой это стати? На тракторе иноплетян из говнища вытаскивать? Очень надо мне...

– Ага, – довольно кивнул дядька. Радостно, когда тебя понимают.

– Мотай отсюда! – уже в голос закричала Арина, но, к ее удивлению, дядька продолжал стоять и не уходил. Больше того, он подобрался к ней по стеночке и потянул ее за подол, в результате чего был жестоко пнут и обвалился на соломенный пол.

– Я и трактор завел, слышь? – с обидой пробормотал он и поднял вверх указательный палец. Арина прислушалась и с удивлением признала, что трактор действительно курлычет где-то на улице.

– Да какие, к свиньям, иноплетяне? – снова возмутилась она.

– В говнице сидят, – с готовностью пояснил дядька. – Надо тащить. А у меня и трос есть.

Любопытство победило, но, вместо того чтобы подвергать себя экстремальному риску езды на степановском тракторе, Арина набросила сложенное вчетверо ватное одеяло на проверенную и надежную хребтину Капрала, закрепила уздечку и поскакала за дядькой через деревню в поле, держась от трактора на почтительном расстоянии. Были случаи, знаете ли. Не всякая колея выдержит.

Самым удивительным, что поражало Арину до глубины души, был тот факт, что, в каком бы состоянии ни был дядька Степан, трактором он управлял одинаково хорошо (или одинаково плохо, это зависит от точки зрения), словно для этого дела он не пользовался отравленным спиртовыми эфирами мозгом. Словно трактор подключался напрямую к его относительно адекватному спинному столбу.

«Ипланетян» Арина заметила издали, и что-то сильно-сильно ёкнуло у нее внутри, заставив сердце биться изо всей силы. Два луча ярко светили, прорезая туманный, клубящийся понизу вечерний сумрак. Больно яркие фары у летающей тарелки.

– Это кто там? – спросила Арина у дремлющего в колее Степана.

– Это? – Он посмотрел на свет, бьющий с поля, с некоторым удивлением. Видать, успел забыть, чего они тут делают. Тем более на тракторе. Но затем память подбросила образ.

– Городской, – сказал он, и Арина побледнела. Темный контур человека на несколько секунд перекрыл свет фар, и Арина почувствовала удар под дых. Там кто-то был. Кто-то... Кто это стоит рядом с застрявшей в грязи машиной? Пусть это будет запоздавший дачник или турист-байдарочник, которому вздумалось спускать свое судно именно в их деревне, хоть такого и не происходило. Уж очень далеко от города они жили. Не может быть. Но тогда...

Этого просто не может быть.

Это не может быть он, ему незачем являться сюда, она все сказала ему. Все кончено. Прошло каких-то три дня... Как мог он оказаться тут, в их грязи, посреди их поля? Арина уронила поводья, и Капрал привычно пошел за трактором.

Прошло всего три дня, она не может, ну не может увидеть его! Она не выдержит!

– Ничего себе! – Звук настиг ее раньше, чем она сообразила развернуться и ускакать прочь. Он звучал так знакомо, его насмешливый низкий голос, чуть хриплый, как будто со старой граммофонной пластинки. Это он – инопланетянин – стоял там, в свете ярких фар какой-то очередной сумасшедшей машины. Он смотрел на нее.

Она была хороша.

О, как же она хороша! Амазонка, задравшая платье, чтобы сесть на коня без седла. На ногах какие-то смешные короткие галоши, руки и лицо в каплях грязи. Черные волосы собраны в тугую конский хвост.

– О, ты не представляешь, что делаешь со мной! – пробормотал Максим, не сводя с нее глаз. – Никогда не думал, что ты – такая.

– Какая? – нахмурилась Арина, внезапно осознав, как просто она одета. Да она, наверное, на пугало похожа. Боже, да разве ж это важно. Он здесь! А сердце стучит, и щеки горят. Он весь в грязи. У него самые красивые глаза на свете.

– Дикая. Амазонка! – в голосе отчетливо прозвучало восхищение, хотя он и старался говорить непринужденно. Арина покраснела и посмотрела на дядюшку, все еще сидящего в тархтящем тракторе.

– Мог бы и предупредить меня, а! Дядя Степа?! – укоризненно прокричала она.

– А я – шо? Я ж как просили! – Дядька затаился в кабине трактора.

– Кто просил? Я не просила! – расвирипела Арина.

– Ну... не ты, – согласился дядька с самым горестным выражением пропитого лица.

– Сколько он тебе заплатил? – едко поинтересовалась Арина, после чего дядька справедливо рассудил, что его задача заманить племянницу к этому странному, швыряющемуся деньгами инопланетянину выполнена, так что можно и потихоньку отчалить.

Старый желтый, со ржавчиной, трактор мерно рокотал, удаляясь в сторону деревни, и только после этого Арина решила посмотреть на Максима. Неужели это он? Его изменчивое лицо, он выглядит усталым и измотанным. Бледный, только глаза горят по-прежнему. Руки сжаты в кулак. Весь в грязи.

– Не думал, что можно так скучать по ком-то, кого не видел три дня. Я думал, я умру. От скуки, конечно. Тебе идет этот конь. Как его зовут? – Максим попытался занять позицию, столь свойственную ему. Непринужденность во плоти. Арина осталась серьезной.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она, подъезжая чуть ближе, так, чтобы свет фар не светил ей в глаза. Она не могла поверить глазам, но он стоял там, посреди огромной

грязной жижи, по колено в ней, со свежими разводами на лице, с сумасшедше грязными руками.

Почти нормальный человек.

– Может быть, я решил порыбачить тут. – Это было первое, что пришло ему в голову. Его смеющиеся серые глаза пожирали ее и тянули к себе, как магнит. – Верить?

– Ни за что! – усмехнулась Арина. – Еще скажи, что ты по грибы приехал.

– Да! Именно! Подберезовики тут, говорят, сейчас с поварешку размером.

– Не думаю, что ты отличишь подберезовик от бледной поганки, если только они не будут расти под деревом в жареном виде, – фыркнула Арина, глядя на Максима с коня, сверху вниз. Он сделал шаг к машине, склонил голову набок и посмотрел ей прямо в глаза. Затем произнес тихо:

– Я пришел за тобой.

Арина вспыхнула под его взглядом и чуть не упала с коня. Он стоял там, на ее родной земле, уверенный в собственной неотразимости и в том, что никто никогда не откажет ему. Она вырвала у себя половину сердца, чтобы заставить свое тело сесть в самолет и улететь из Лондона от него, в Россию. Она думала, так будет легче, но все эти три дня она мучилась, как раненый зверь, оставленный умирать в пустыне. Без него было как без воздуха, без глотка воды. Космический вакуум, невесомость, которая убьет тебя за считанные секунды. И вот – он пришел за ней. Но ей придется справиться с этим. Им придется расстаться, хотя сейчас, под пристальным взглядом его настороженных глаз, она, хоть убей, забыла, почему это так важно.

Ах да, он хотел владеть ею, как вещью. Арина погладила Капрала и закрыла на секунду глаза.

– Я все сказала тебе. Это не для меня, – пробормотала она и отвела взгляд. Тихая темная ночь окутывала поле дымчатым полупрозрачным покрывалом. Максим помолчал, глядя куда-то вдаль. Просторы, потрясающие просторы. Какие красивые места, какие красивые женщины. Неужели она всерьез полагает, что он покорится ей, ее решению?

– Я понял это, – серьезно кивнул ей Максим. – И все же я не отпускаю тебя.

– Это не тебе решать, – разозлилась Арина.

– Я здесь – значит, мне, – твердо возразил он. – Как ты могла так поступить? Ты не взяла денег, бросила телефон, одежду, которую я купил для тебя. Ты отняла меня у себя, а взамен оставила только эту милую, совершенно бессмысленную записку? Что ты, видите ли,рываешь контракт! Неужели ты не понимаешь, что такие контракты не рвутся просто так.

– Ты имеешь в виду, что они могут быть разорваны только с твоей стороны, да? Так? – взъерилась Арина, и от звука ее голоса Капрал дернулся и чуть не задавил Максима.

– Да что такое этот чертов контракт?! Ты что, не могла просто поговорить со мной? По-человечески поговорить, понимаешь? Рассказать, что тебя беспокоит?

– Да? – еще больше полыхала Арина. – А ты бы, пока я говорила, причесывал меня и красил для очередной фотосессии? О которой, кстати, ты тоже, знаешь ли, ни словом не обмолвился. Мой милый затейник!

Последнюю фразу Арина почти выплюнула на крике, и голос ее разносился ветром по пустому темному полю.

– Черт, ты не могла бы сойти с твоего Буцефала, я испытываю некоторый дискомфорт от того, как твой конь на меня смотрит, – процедил Максим сквозь зубы. Конечно, он переменил тему. Что бы еще он мог ответить Арине? Эти два летних месяца, что они знают друг друга, он ведь делал с ней что хотел. Никогда не думал о ее чувствах. Не считал это нужным. Не за то он платил деньги. Хотя...

Она ни разу не взяла у меня ни копейки. Ни в начале, ни в конце.

– А я испытываю дискомфорт, когда мне предлагают стать чьей-то рабыней. Может быть, это и чертовски острое сексуальное переживание, но мне это не понравилось! – выкрикнула Арина и тут же заметила, что дядя Степан как-то неуверенно дернулся в кабинке трактора. Она посмотрела на него.

Максим ударил кулаком по машине и вскрикнул, чертыхнувшись.

– О, зато в полуголых платьях ходить – ты дискомфорта не испытала, да? Я, к слову сказать, и не собирался... Я просто разозлился. Ты сама-то себя видела в том чертовом платье? Да слезь ты наконец с коня, Белос... Арина. Арина! – Максим остановился и поднял руки, но было поздно. Ариного лицо перекосила ярость и злость. Услышав кличку, пусть даже не целиком, Арина мгновенно вспомнила о фотографиях. И обо всем остальном. Она распрямила плечи, сомкнула губы, ее ноздри расширились, так сильно она задышала от возмущения.

– Нет уж, я, пожалуй, останусь на коне. Да и мне пора, мой господин!

– Ага, – кивнул Максим. – Ты на коне, а я в грязи. Похоже, все как в жизни. Ну-ка, погоди!

– Что ты делаешь? – возмутилась Арина, беспомощно глядя, как Максим хватается за коня, Капрала, под уздцы. Капрал было дернулся, но почувствовал сильную руку и привычно подчинился. Недаром папаша любил коня, покладистый, работящий. Никакого норова. На нем всех деревенских детишек перекатали – никогда не боялись.

Максим, крепко потянув поводья, запрыгнул на капот, а затем и на крышу автомобиля. Арина бешено дышала, наблюдая за его перемещениями. Она догадалась, чего он добивается, и решила держаться до последнего. Ну, нет. Не дождешься! Арина накрепко вцепилась в конскую гриву. Если она хорошенько дернет Капрала, только так, чтобы ему действительно стало больно, он все же вырвется и понесет ее. Она уверена, что сможет усидеть в седле. Ну, не в седле, в одеяле. И не совсем уверена, а почти.

– Не бойся, я не собираюсь стаскивать тебя с коня. – Максим усмехнулся. Его лицо теперь было на одном уровне с Ариным, и он воспользовался этим. Посмотрел прямо в ее синие глаза, перевел взгляд на ее красный рот, на грудь, равномерно вздымающуюся под тонким ситцевым платкицем.

– Мне нравится смотреть на тебя в такой позе, – прошептал он, проведя взглядом по ее длинным голым ногам, и Арина вдруг очень остро осознала, что она сидит на одном только одеяле, с задранными платьем, обхватив ляжками конский круп. Максим приблизился к ней. Это было непросто, ведь он стоял на крыше машины, а Арина сидела на коне, который нервно переступал с ноги на ногу. Максим поднес свободную ладонь к Ариному бедру, провел по нему пальцами.

– Нет, Максим... – Голос Арины сорвался, она закашлялась, а ладонь Максима скользнула под платье и нежно прикоснулась к ее ягодице. – Не надо.

– Как же я хочу тебя трахнуть, – прошептал он и выдохнул, почти простонал, как от боли.

– Я не собираюсь снова... – Арина сидела не шевелясь. Она ужасно хотела прикоснуться к нему, отдаться его сильным рукам, почувствовать снова объятия и теплую шершавую кожу его ладоней.

– Ты должна была остановить меня, но не оставлять. Я просто заигрался.

– Ты не должен был меня покупать. Я не продаюсь.

– Ты не сказала мне об этом в самом начале, когда я говорил о контракте на фотосессию.

– Я жалею, что не сказала, – грустно добавила Арина, и Максим побледнел.

– Не надо, не стоит жалеть. Я бы все равно заполучил тебя. Я все равно думал о тебе круглые сутки. Если бы ты отказалась ехать со мной, я бы выкрал тебя.

– О, звучит весьма ободряюще. Я говорю о том, что я – не вещь, а ты обещаешь меня украсть.

– Но что же мне делать? – растерянно пробормотал он. – Это выше меня. Называй это как хочешь, но только будь моей. Ты хоть представляешь, что я хочу сейчас с тобой сделать? Прямо тут, в этой грязи? Ты же хочешь меня, да, я знаю. Я вижу это в твоих глазах, я могу судить по тому, как ты дышишь, как напряглись твои соски. Я знаю твоё тело лучше тебя самой, разве нет?

Он говорил медленно, размеренно, будто старался загипнотизировать её. И это у него почти получилось. Его ладонь проскользнула под платье, заставив Арину сжать ноги и напрячься. Он был прав, она сходила с ума от одной мысли, на что способны его руки. Но это не играло никакой роли.

– Уезжай, пожалуйста! Максим! – прошептала она, и в её голосе звучала мольба проигравшего. Она просто не может сопротивляться этому.

– Ни за что, – покачал он головой. – Ричард сказал мне кое-что. Он был очень зол и имел на это право, но то, что он мне сказал... Это правда?

– Я не знаю, о чем ты говоришь. Что – правда? – Арина хотела отвернуться, но не могла. Его взгляд держал её, и её тело предательски требовало пойти дальше, оно хотело отдаться в его руки, хотело служить ему, как и прежде, и быть его скрипкой.

– Я хочу поцеловать тебя прямо в твой чудный рот. О, я не дам тебе дышать, слышишь. Я буду целовать тебя, пока ты не потеряешь сознания. И ты будешь ходить голой, всегда! Раз ты не хочешь одежды – её и не будет у тебя.

– Это просто сумасшествие какое-то, – сказала Арина, сжав пальцы на гриве Капрала. Что-то с ней не так, раз ей смертельно хочется раствориться и пропасть в этих объятиях. Может быть, у этого есть название? Может быть, от этого есть таблетки?

– Ричард сказал мне, что ты любишь меня. – Максим крикнул это, словно это было обвинение. – Это правда?

– Какая, к черту, разница? – гневно сверкала глазами Арина. – Ты же не веришь в любовь?

– Для меня есть разница! Ты любишь меня, верно? Поэтому ты поехала со мной? Поэтому ты даже не читала контракт, тебе было плевать на него? Что же ты молчишь? Скажешь, что нет? Ричард ошибся? Неправильно тебя понял?

– Что это меняет? – спросила Арина грустно и заставила себя распрямиться и поднять голову. – Ты красив. Я молода и глупа. Ничего нового. Все пройдет, ты же знаешь.

– Но я не хочу, чтобы это проходило. – Его ладонь вдруг сжалась на Арином бедре, словно он хотел сделать ей больно. Против чего она пытается устоять? Она любит его, это правда. Разве может это быть неважно?

– Это только гормоны и вопрос времени. Ты сам меня учил.

– Ты никогда раньше не была циничной.

– Я никогда раньше не знала тебя!

Арина положила ладонь поверх его ладони. Его рука была теплой, сильной. Он проделал такой большой путь, но это не значит, что ему можно верить. Арина провела рукой по его волосам, а затем что было силы дернула Капрала за его рыжую гриву. Конь заржал и метнулся, и рука Максима оторвалась от ее бедра. Арина сбросила галоши на землю и, как могла, стукнула голыми пятками по лошадиному крупу.

Капрал рванулся и поскакал. Максим балансировал на крыше автомобиля. Его сильное гибкое тело склонилось в одну сторону, Капрал понесся в другую. Максим еле устоял, чуть не упал, но его взгляд был прикован к удаляющейся фигуре.

Арина скакала что есть мочи. Свет фар погас, и темнота окутала ее. Она обняла Капрала за шею и кричала что-то, размазывая руками слезы. Арина злилась на все на свете и особенно на то, что, может быть, она больше никогда не увидит его.

Ведь он здесь. Он приехал за ней. Он не переставал о ней думать. Вдруг прямо сейчас он разворачивает свою дурацкую машину и уезжает? Мысль была как пощечина, и Арина чуть было не развернулась обратно. Плевать на все! Пусть делает с ней что хочет. Только пусть не уезжает. Она не переставала думать о нем. Ни на секунду. Самые длинные три дня в ее жизни, самые страшные двести пятьдесят девять тысяч двести секунд.

7

Они ехали и ехали куда-то, словно и вовсе не собирались возвращаться обратно. Капрал, между прочим, был сильно против такого подхода и, как мог, давал понять Арине, что час поздний и хороший хозяин не только собаку, но и коняшку из дому не выгонит по лесам-полям скитаться. Ближе к ночи снова пошел мелкий дождь, и Арина продрогла до самых костей.

– Ты не обижайся, пожалуйста, что я тебя дернула, ладно? – упрасивала Арина сонного, усталого Капрала, которому в такой час хотелось одного – спать в теплой конюшне после сытного ужина. – Я просто... совсем не знаю, что мне делать. Он же никого не любит. Думаешь, он приехал, потому что не может без меня? Нет, он просто не может пережить, что кто-то отказывается ему повиноваться.

Капрал мотнул головой, фыркнул и попытался стряхнуть воду с крупы.

– Что? И ты с ним заодно? – возмутилась Арина, поняв его по-своему. – Да ты не представляешь, какой он на самом деле. Равнодушный. Жестокий. Сегодня он здесь, по колению в грязи, говорит, что приехал за мной. А завтра? Ветер переменится, и он откланяется – красивый, безупречный и холодный как лед. Нет, он не холодный. Даже наоборот, горячий. Я бы сейчас не отказалась от чего-нибудь горяченького. Чаю, например.

Мысли скакали, и было очень холодно. Конечно, надо возвращаться. Вдруг он уехал? От этого становилось еще холоднее.

А вдруг не уехал?

Наконец стало просто невозможно игнорировать факт, что Капрал норовит то и дело по-тихому повернуть к деревне. А когда Арина пытается пресечь эти попытки, он замедляет шаг и упирается, не идет.

– Может быть, вы и не умеете говорить, но понять вас несложно, господин Капрал, – скорчила рожицу Арина. Они проехали мимо родительского дома – в окнах было темно, все спали. Пробрались мимо дома тетки Клавды. Дядькин трактор мирно дремал на приколе. Должно быть, очень поздно, подумала Арина, заводя Капрала в конюшню. Конь радостно поспешал, шевеля ноздрями.

– Сейчас, покормлю! – рассмеялась Арина, открывая дверь в самый большой и теплый сарай, самый дальний – на самом краю их участка, почти у леса.

Стащив с Капрала стеганое одеяло, она бросила его на лавку. Щелкнула выключателем и раскрыла Капралово стойло, куда тот с живостью устремился.

– Видишь, Капрал, он уехал! – вздохнула Арина. И, зачерпнув овса из стоящего под навесом мешка, уныло поплелась за конем. Тишина нарушалась только шелестом сухой травы под копытами и фырканием Дездемоны в стойле.

– А тебе важно знать, уехал я или остался? Разумеется, если речь обо мне... – раздалось ироничное откуда-то из глубины конюшни, и Арина подпрыгнула.

– Черт! – Овес из ведерка посыпался на пол.

Максим сидел у бокового окна – прямо на опилках, прижавшись спиной к фанерной стенке, и щурился в тусклом свете внезапно зажженной ее рукой лампочки. Неужели все то время, пока она изнуряла себя и коня ездой по полям, он сидел тут и ждал ее? Теперь его взгляд изменился, он внимательно оглядел ее и сдвинул брови.

– Ты вся промокла! – недовольно буркнул он и поднялся с места. Арина в нерешительности застыла в проходе. – Так и заболеть недолго! – Он нахмурился и сделал несколько шагов в ее сторону. Арина подалась назад, но Максим уже обхватил ее за плечи и, притиснув к себе, принялся растирать ее мокрые руки и спину. Арина не сопротивлялась, она закрыла глаза и с наслаждением отдалась этим крепким рукам. Максим взял ее лицо

в ладони и страстно поцеловал ее. Его губы – как же много она думала о них. Верхняя чуть тоньше нижней, нижняя толще и более выпуклая. Красивого темно-розового оттенка – она так мечтала снова прильнуть к этим губам!

– Я думал, ты уже не придешь! – прошептал он тихонько и сильнее прижал Арину к себе. Оба замерли. Боже... О, что могло заставить ее добровольно отказаться от этого? Сердце билось, как сумасшедшее, и Арина ощущала прилив необъяснимого экстаза от одного лишь понимания того, что Максим здесь, рядом, от терпкого, маскулинного запаха его тела. Только рядом с ним, только в этих сильных руках она чувствует себя настоящей живой.

Капрал постоял рядом, шевеля ушами, и, с невероятным достоинством прошагав к тому месту, где был просыпан овес, огромными подвижными губами стал его подбирать.

– Я... ты... А мои родители? Они тебя видели? – Арина растерянно посмотрела на Максима. Что ей делать теперь? Один поцелуй может изменить всю жизнь. Он здесь. Он действительно приехал за ней. Разве может теперь все остаться прежним?

– Мы поговорили... Я полагаю, сейчас они крепко спят...

– Вы поговорили? О господи, и что они сказали?!

– Сказали? Много чего сказали. А ты сейчас смотришь на меня так, словно случилось *страшное!* – рассмеялся он. – Я что, монстр, которого нельзя показывать людям? Франкенштейн? А мне подумалось, что твой дядька похож на него куда больше. Не вспомню только, как его зовут?

– Степан... – автоматически уронила Арина. – Ты... Они... – Она не находила слов. – Это же мои родители! Они же... Они же ничего не понимают. Они думают, что ты... совратил меня! – Глаза ее в ужасе распахнулись, и Максим тихо засмеялся.

– А разве это не так? – Он пожал плечами и холодно улыбнулся. Самоуверенный мерзавец, красивый, неотразимый дьявол. И сопротивление бесполезно.

– Значит, ты и правда считаешь меня чудовищем! Впрочем, имеешь право. – Максим задумчиво посмотрел на нее, словно пытаясь просчитать ее кодовую комбинацию и понять, о чем она думает.

– Я не считаю тебя... – прошептала Арина, и взгляд Максима стал стальным.

– Не ври мне, – бросил он ей, и улыбка исчезла с его лица. Резко и неожиданно он сделал шаг вперед, схватил ее платье за нижний край и одним махом стащил его с нее, дернув вверх. Она совсем не ожидала этого, не успела подготовиться, и ее руки безвольно взлетели кверху, следуя за платьем. Секунда – и она осталась почти обнаженной, в одних тонких трусиках, босая, посреди сарая-конюшни. Вороной жеребец Багет с удивлением покосился на нее из стойла.

– Что ты творишь! – вскрикнула Арина и прикрыла обнаженные груди ладонями. Максим покачал головой, отступил на шаг. Он с удовольствием наблюдал за ее смятием. Ее губы дрожали. Он приблизился снова и положил руки ей на ладони, с усилием заставив ее опустить их. Она подчинилась.

– Вот так, моя принцесса. Так лучше. Беззащитная и нежная, ты так хороша! Тебе не холодно? – Его голос звучал спокойно, размеренно, но Арина знала, что демоны в его сердце проснулись и потирают руки.

– Нет. – Она покачала головой. Кровь бурлила в ее венах, она физически чувствовала его взгляд на своей груди.

– Хорошо. Сними трусики, – коротко скомандовал он.

– Я... я не могу. Вдруг кто-то увидит, – пробормотала она, краснея еще больше.

– Никто не увидит. Твои родители спят, и в любом случае я убедил их дать нам возможность поговорить. Они не придут, это они мне пообещали. Ради тебя.

– Ты так уверен?

– Кроме того, мы можем запереть дверь. – Максим подошел к входной двери, приоткрыл ее на минуту – во дворе царили звенящая тишина и покой. Он плотно закрыл дверь и навесил деревянный засов, подергал – никто не откроет. И повернулся к Арине.

– Снимай.

Его любимая игра. Ее любимый мужчина.

Арина подчинилась и дрожащими руками потянула трусики вниз. Дыхание ее сбилось, ее тело реагировало на звук его голоса сумасшедшими сокращениями мышц, горячие волны возбуждения прокатывались от самого сердца до вагины, и каждая мышца словно плясала, радуясь и предвкушая то, что будет дальше.

О боже, как все это странно!

Максим не отводил от нее взгляда. Она распрямилась и с вызовом посмотрела на мужчину, которому так предано ее тело. Он хищно улыбнулся и запустил пятерню в свои спутавшиеся за долгий день волосы, взгляд его потемнел.

– Мне страшно. – Арина не в силах была оторвать от него взгляда.

– Мне тоже, – признался вдруг он. Его голос – нежный бархат, надломился, как будто он в одночасье охрип. Сделав шаг вперед, он схватил Арину за плечи, рывком прижал к себе, развернул и впечатал в стену. – Уверена, что тебе больше не холодно?

– Мне жарко.

– Это потому, что я – огонь.

– Ты спалишь меня, и ничего не останется, – прошептала Арина, но его губы уже накрыли ее губы – жадно и страстно, больно. Он впился губами в ее нижнюю губку, пососал ее, затем проделал то же самое с верхней. Его язык грубо и резко проник в ее рот, он нашел ее язык и прикоснулся к нему своим, слегка, совсем чуть-чуть прикусил его. Арина вздрогнула, почувствовав огненный всполох у себя между ног. Но на этот раз она не отпрянула, а подалась вперед и потянула руки к его груди.

Он не дал ей прикоснуться к себе, схватил за запястья, завел ее руки за спину и крепко-накрепко схватил их своей сильной рукой, не давая ей сдвинуться с места. Он вел себя так, словно боялся, что она снова убежит от него. Арина дернулась и вскрикнула от боли в плечах. В ее глазах плескалась взрывоопасная смесь: паника и предвкушение.

Максим услышал ее тихий крик и простонал, на секунду прикрыв глаза.

– Ты в моей власти, моя королева, да? – прорычал он грудным, низким, звериным голосом и рассмеялся.

– Да, – кивнула она, судорожно сглотнув.

– Открой рот. Шире, – отрывисто бросил он, и Арина покорно ему подчинилась. Свободной рукой он прикоснулся к ее запрокинутому лицу, провел пальцами по ее раскрытым губам и сунул указательный и средний пальцы ей в рот. Он выразительно посмотрел на нее, и Арина сомкнула губы, принялась посасывать его пальцы, нежно облизывать их языком.

– Скоро тут будет мой член, моя красавица, – прошептал он. – У тебя во рту. О, как ты хороша, моя девочка. Я никогда тебя больше не отпущу.

Его рука сжала ее запястья за спиной так, что она напряглась. Максим еще сильнее вдавил ее в стену, прижимая всем телом. Просунув колено между ее ног, он нежно спросил:

– Больно? – Арина только прикрыла глаза и кивнула.

– Открой глаза. Ты – моя, слышишь? Как ты могла убежать? Я никогда не стал бы тебя ни с кем делить. Я просто... Я злился и хотел напугать тебя. – Максим отпустил ее и отступил в сторону, тяжело дыша.

– Тебе удалось, – всхлипнула Арина.

– Ты представляешь себе, как я зол на тебя? – спросил он, и тут же его пальцы проникли к ней между ног. Арина дернулась и попыталась отстраниться, но Максим не дал ей этого сделать. Он надежно ухватил ее за ягодицы одной рукой, а другой принялся жадно и по-

хозяйски ощупывать ее промежность. Он с силой надавил на клитор большим пальцем, а сам продолжал следить за каждым оттенком, тенью, эмоцией, появляющейся на ее лице.

Арина сжала ноги и попыталась высвободиться, но рука Максима нырнула глубже, преодолевая сопротивление. Ее глаза метали молнии.

– Думаешь, я не трахну тебя прямо тут? – спросил он с улыбкой.

– Мой отец пристрелит тебя из дробовика, – пообещала Арина.

– Что ж, значит, такова моя судьба. Ты же веришь в судьбу. Я ждал тебя здесь три часа и теперь не отпущу. Я жил без тебя три дня!

– Ты собирался жить без меня всю жизнь! Ты купил меня на остаток лета! – крикнула Арина, дернувшись всем телом, но руки Максима держали крепко. Он с наслаждением ощупывал и обследовал все ее ложбинки и складочки, просунул пальцы еще глубже – прямо внутрь, прямо в самую глубину ее тела. Один палец, затем два, три.

– Я передумал, – едко бросил он и склонился ниже, провел нежно губами по ее запрокинутой шее. Арина задрожала всем телом и простонала, но ее стон потерялся в поцелуе. – Я хочу тебя, хочу целиком.

Большим пальцем Максим прикоснулся к ее клитору и медленно, с мучительной неторопливостью провел по нему. Еще и еще, по кругу, распаляющему жарче, чем в топке русской печи.

– Ах, какая ты горячая... там, – простонал он и слегка прикусил ее за ухо. – Такая влажная... Так ты хочешь меня, моя сладкая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.